

# Мишель БЮССИ

Детективщик № 1  
во Франции

18+



Я СЛИШКОМ ДОЛГО  
МЕЧТАЛА

Мишель Бюсси

**Я слишком долго мечтала**

«Фантом Пресс»

2019

УДК 821.133.1  
ББК 84(4Фр)

**Бюсси М.**

Я слишком долго мечтала / М. Бюсси — «Фантом Пресс», 2019

ISBN 978-5-86471-838-4

Красивые любовные истории не умирают. Они продолжают в наших воспоминаниях и совпадениях, в которых мы видим былую любовь. Но в жизни Натали эти совпадения вдруг становятся слишком частыми и многочисленными. Повсюду она встречает напоминания о давней своей любви. Кто-то стремится вернуть к жизни ту страсть, что некогда почти уничтожила ее? Когда прошлое повторяется в настоящем почти до полной неразличимости и уже невозможно дать происходящему рациональное объяснение, Натали начинает всерьез думать, уж не вернулась ли она на двадцать лет назад... Две истории, разделенные десятилетиями, четыре города – Монреаль, Лос-Анджелес, Барселона и Джакарта, – и бесконечные отражения прошлого в настоящем и настоящего в прошлом. «Я слишком долго мечтала» – роман, в котором виртуозно сплетены чувства и интрига, рациональное и иррациональное, фантазии разума и реальность. Это не традиционный триллер, это не классический детектив – это сложно устроенный психологический роман с загадками, размышлениями о том, насколько сильно былые поступки влияют на нашу жизнь.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-86471-838-4

© Бюсси М., 2019  
© Фантом Пресс, 2019

# Содержание

Часть I	7
1	7
2	13
3	16
4	20
5	25
6	29
7	31
8	35
9	39
10	41
11	45
12	52
13	55
14	60
Конец ознакомительного фрагмента.	66

# Мишель Бюсси

## Я слишком долго мечтала

Michel Bussi

J'AI DÛ RÊVER TROP FORT

© Michel Bussi et Presses de la Cité, un département de Place des éditeurs, 2019

© Ирина Волевич, перевод, 2019

© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2019

*Я прожесг подушку, —*

*Должно быть, я слишком долго мечтал.*

*Ален Башунг<sup>1</sup>*

*Жертвам цунами в Индонезии*

– «Нет, мне хорошо, – возразил Лис, – вспомни, что я говорил про золотые колосья»<sup>2</sup>.

– Мам, я не понимаю!

Закрыв книжку, я склоняюсь над кроватью Лоры:

– Дело в том, что Лис больше никогда не увидится с Маленьким принцем. Но поскольку у Маленького принца волосы золотистые, как пшеница в поле, всякий раз, как Лис посмотрит на колосья, он подумает о своем друге. Взять, например, твою кудрявую подружку Офелию, которая переехала этим летом в Португалию. Даже если вы с ней больше никогда не встретитесь, стоит тебе услышать название этой страны, ее имя или увидеть девочку с такими же черными локонами, ты сразу подумаешь о ней. Теперь поняла?

– Да.

Лора прижимает к себе любимого плюшевого утенка, потом встряхивает снежный шар с собором Саграда Фамилия внутри, возвращает его на столик у изголовья и вдруг задумывается, нахмутив брови, – ее одолевает сомнение.

– Мам, а если я никогда не услышу про Португалию или не встречу девочку с таким же именем и такими же кудряшками, я что, забуду Офелию?

Крепко обнимаю Лору и украдкой вытираю слезы желтой плюшевой лапкой утенка.

– Нет, милая, если очень ее любишь. И чем сильнее будешь любить, тем больше тебе встретится в жизни вещей, напоминающих о ней.

Оливье заглядывает к нам в комнату и показывает на свои наручные часы: пора спать! В этом году Лора поступила в подготовительный класс начальной школы – это очень важный год, самый важный из всех. Не считая других лет, самых важных из всех. Я послушно встаю, укрываю Лору до подбородка.

Она обнимает меня за шею для последнего поцелуя.

– А ты, мам? У тебя был кто-нибудь, кого бы ты сильно любила и не хотела забывать? Так сильно, что тебе потом часто попадались вещи, которые напоминали о нем?

---

<sup>1</sup> Ален Башунг (1947–2009) – певец, композитор, актер, одна из центральных фигур французской популярной музыки. Эпиграфом М. Бюсси взял строки из песни Башунга *Vertige de l'amour* – «Головокружение от любви». – *Здесь и далее примеч. перев.*

<sup>2</sup> Антуан де Сент-Экзюпери. «Маленький принц». Перевод Норы Галь.

## Часть I Монреаль

1  
12 сентября 2019

– Ну, мне пора.

Оливье сидит за кухонным столом, обхватив ладонями чашку с кофе, и смотрит в окно, вдаль, туда, где за зеленью сада, за крышей его мастерской виднеются туманные берега Сены. Он спрашивает, не глядя на меня:

– Это действительно необходимо?

Я медлю с ответом. Потом встаю, одергиваю форменную юбку. Мне не хочется заводить долгий разговор. Только не теперь. Времени мало. Поэтому я ограничиваюсь улыбкой. Впрочем, и он тоже. Он всегда задает важные вопросы именно так.

– Мне нужно быть в Руасси, в терминале 2F, в девять утра. И хорошо бы проехать через Сержи<sup>3</sup>.

Оливье молчит, скользит взглядом по изгибам реки, словно хочет оценить ее безупречную красоту, изучает неторопливо, с бесконечным терпением, как фигурную спинку кровати, вычурные линии комода, угол потолочных балок в мансарде под крышей. С тем же пристальным вниманием он всегда смотрит и на меня, когда я выхожу из ванной и укладываюсь в постель. Этот неотрывный взгляд вызывает во мне приятный трепет, позволяет чувствовать себя красивой даже в пятьдесят три года. В его глазах. Только ли в его?

– Это действительно необходимо?

Оливье открывает балконную дверь. Я знаю, что будет дальше. Он не торопясь выйдет из дома, чтобы угостить вчерашним хлебом Джеронимо – лебеда, который соорудил гнездо в конце нашей аллеи, на берегу Сены. Он почти ручной, но бдительно охраняет свою территорию, а заодно и нашу, куда надежнее ротвейлера. Кормежка Джеронимо – ежедневный ритуал Оливье. Мой муж любит ритуалы.

Я чувствую, что у него на языке вертится тот же вопрос – тот самый ритуальный вопрос, который он задает всякий раз, как я собираюсь в дорогу:

– Это действительно необходимо?

Я давно поняла, что дело не в чувстве юмора Оливье (несколько однообразном) и не в желании узнать, найдется ли у меня пара минут, чтобы выпить кофе перед уходом. Его слова «Это действительно необходимо?» имеют куда более широкий смысл. Они означают: «Тебе действительно необходима эта чертова работа стюардессы, ради которой ты каждый месяц бросаешь нас на две недели и летаешь по свету? Тебе это правда нужно теперь, когда дом уже оплачен, когда девочки выросли и мы ни в чем не нуждаемся? Ты действительно обязана этим заниматься?» Оливье задавал мне этот вопрос сто раз: «Чем эти хижины на Бали, в Андах или в Канаде лучше нашего деревянного дома, который я построил своими руками?» Он неоднократно предлагал мне сменить профессию: «Ты могла бы работать вместе со мной в мастерской – большинство жен ремесленников помогают мужьям. Занялась бы бухгалтерией или стала секретаршей в моем офисе. Все лучше, чем выбрасывать деньги на бестолковых субподрядчиков...»

Я отвлекаюсь от своих мыслей и отвечаю бодрым голосом стюардессы бизнес-класса:

---

<sup>3</sup> Сержи-Понтуаз – новый город в 46,7 км от Парижа, в департаменте Валь д'Уаз.

– Ну все, мне пора, не то опоздаю!

И пока Джеронимо лакомится кусочками багета с зерновыми добавками, я слежу за полетом серой цапли, которая парит над старицами Сены. Я знаю, как Оливье не любит дробный стук колесиков моего чемодана по его сосновому паркету. А у меня в душе разгорается скрытый гнев. Да, Оливье, это необходимо! Моя работа – это моя свобода! Ты остаешься, а я улетаю. Ты остаешься, и я возвращаюсь. Ты – это покой, а я – движение. И так продолжается уже тридцать лет. Из коих двадцать семь я ношу обручальное кольцо. Вырастила двух дочерей. И вполне успешно, разве нет?!

Я поднимаюсь в спальню за чемоданом. И заранее вздыхаю, но Оливье может пытаться меня с помощью фуганка и дрели, я и тогда не признаюсь, как мне сладостно таскать за собой этот чертов чемодан по всем лестницам, эскалаторам и лифтам нашей планеты. Начиная с десяти ступенек нашего шале. Взбираясь по ним, я мысленно повторяю расписание на текущий месяц – Монреаль, Лос-Анджелес, Джакарта – и заставляю себя не заикливаться на невероятном совпадении, но лента прошлого разматывается в памяти, возвращая меня на двадцать лет назад. Ладно, подумаю об этом позже, когда останусь одна и смогу рассуждать спокойно, когда...

Я натякаюсь на чемодан и едва не падаю.

Мой комод открыт!

Мой ящик слегка выдвинут!

Не тот, где я храню украшения, не тот, куда складываю шарфы, не тот, что с косметикой. Ящик с тайнами!

Ящик, который Оливье никогда не открывает, потому что он принадлежит мне одной.

Подхожу ближе. Да, в нем кто-то рылся, это видно с первого взгляда. Все безделушки, все детские письма Лоры и Марго лежат не на своих местах. Засушенные васильки и колосья, собранные на поле моего первого поцелуя, раскрошились в пыль. Розовые телеграммы Оливье: *Скучаю, удачного полета, возвращайся скорей, моя воздушная дева!* – смяты и разбросаны. Я пытаюсь успокоиться: может, это плод моего воображения, разыгравшегося из-за фантастического совпадения маршрутов – *Монреаль, Лос-Анджелес, Джакарта?* Может, я сама все смешала в кучу, да и как упомнить, что где лежало раньше, если я много лет не открывала этот ящик?! И мне почти удается себя в этом убедить, как вдруг взгляд привлекает странный блик на паркете, у моих ног. Я наклоняюсь и... не верю своим глазам.

Мой камешек!

Маленький инуитский камешек! Вот он-то уж точно не покидал мой ящик около двадцати лет! Этот камень размером с монету непреложно свидетельствует: кто-то совал нос в мои вещи, притом недавно!

Бормоча ругательства, я засовываю талисман в карман форменного жакета. Я уже не успеваю обсудить происшествие с Оливье. И уж тем более с Марго. Это может подождать. В конце концов, мне нечего скрывать, в этом ящике лежат одни только забытые сувениры, чью историю никто, кроме меня, не знает. Выйдя из спальни, заглядываю в комнату Марго. Моя младшая дочь лежит на кровати, пристроив ноутбук на подушке.

– Я ухожу.

– Мам, купи мне «Чоко Попс», а то я утром все доела.

– Марго, я не в магазин иду, а еду на работу!

– А-а-а... и когда вернешься?

– Завтра вечером.

Марго не спрашивает, куда я лечу, не желает хорошего дня и уж тем более хорошего рейса. Она вообще едва замечает мое отсутствие в доме. И с удивлением взирает на меня, когда утром, перед тем как убежать в лицей, обнаруживает родную мать в кухне, за столом. В этом я тоже не признаюсь Оливье, но перед каждым рейсом меня одолевает ностальгия по тем годам –

совсем недавним! – когда Марго и Лора плакали навзрыд всякий раз, как я собиралась в дорогу, когда Оливье приходилось силой вырывать их из моих объятий, когда они все дни напролет смотрели в небо, отыскивая там маму, и стерегли мое возвращение, стоя у самого высокого окна на скамеечке, специально сделанной для этого папой. Тогда мне удавалось утешить их, пообещав привезти подарки с другого края света!

\* \* \*

Моя голубая малютка «хонда джаз» едет по голым полям, спаленным огромным рыжим солнцем. Между аэропортом Руасси и нашим шале в Порт-Жуа<sup>4</sup> пролегают сто двадцать километров национального шоссе. По этой магистрали ездят грузовики, которые я давно запретила себе обгонять. Оливье шутливо уверяет, что я быстрее добралась бы по воде, на барже. И он почти прав! Вот уже тридцать лет я езжу по этому шоссе № 14 в любое время дня и ночи, после двенадцатичасовых перелетов и почти стольких же (если не больше) часовых поясов, от которых ломит все тело и гудит голова. Некоторые люди боятся самолетов, я же часто испытывала гораздо больший страх перед этой нескончаемой серой лентой, пересекающей департамент Вексен, чем перед всеми аэродромами планеты, с которых я взлетала и на которые садилась все эти тридцать лет, по три-четыре рейса в месяц. В нынешнем у меня их будет три:

Монреаль, с 12 по 13 сентября 2019

Лос-Анджелес, с 15 по 17 сентября 2019

Джакарта, с 27 по 29 сентября 2019

Передо мной маячит задняя стенка голландского фургона, который старательно придерживается ограничения скорости на данном отрезке шоссе. Чтобы отвлечься, пускаюсь в сложные расчеты – расчеты вероятностей. Мои последние воспоминания о теории вероятностей восходят к лицу, то есть к нынешнему возрасту Марго, что вряд ли мне поможет. Итак, сколько дальних рейсов, с вылетом из Руасси, предлагает компания *Air France*? Наверно, много сотен. Я беру минимальную цифру и округляю ее до двухсот. Значит, у меня был один шанс из двухсот попасть на рейс в Монреаль. Вообще-то ничего удивительного, с 1999 года я туда летала дважды или трижды. Но какова вероятность объединения Монреаля с Лос-Анджелесом? Даже ничего не соображая в математике, я понимаю, что результат должен равняться примерно двумстам, умноженным на двести. Пытаюсь представить себе это число написанным на сером заднике фургона, который все так же упорно тащится передо мной. Число с четырьмя нулями, то есть один шанс на несколько десятков тысяч... А если добавить третье направление, Джакарту, вероятность возрастает до двухсот раз, помноженных на двести и еще раз на двести. Что дает нам цифру уже с шестью нулями. То есть существует всего один шанс из нескольких миллионов соединить все три рейса в одном месяце! Это кажется совершенно невероятным... однако именно так, черным по белому, написано в моем путевом листе, присланном парнями из отдела графиков полетов... *Монреаль, Лос-Анджелес, Джакарта*... Запланированное тьерсе<sup>5</sup> – с ума сойти можно!

Аккурат перед подъемом на Сен-Клер-сюр-Эпт голландец наконец сворачивает на парковку – видимо, решил позавтракать в придорожном кафе. У моей «хонды» внезапно словно крылья вырастают. Я жму на газ, одновременно продолжая мысленно выстраивать вереницы нулей.

*Запланированное тьерсе*... Ну что же, один шанс из миллиона – тоже шанс... Тот, на который уповает каждый игрок, помечающий крестиками клеточки в лотерейном билете. В

---

<sup>4</sup> Порт-Жуа (*фр.* Porte-Joie) – букв. «Приносящий радость».

<sup>5</sup> Тьерсе – выигрыш в пари на трех первых лошадей на бегах.

жизни нет ничего невозможного – только маловероятное. Только случай. Наверно, какой-нибудь бог-шутник разыскал старый фильм из моего прошлого и забавы ради решил его перемотать еще разок. Три направления – те же самые. Те же, что двадцать лет назад:

Монреаль, с 28 по 29 сентября 1999

Лос-Анджелес, с 6 по 8 октября 1999

Джакарта, с 18 по 20 октября 1999

Я прибавляю звук радио, словно хочу заглушить яркие образы, которые настойчиво, как я их ни отгоняю, возникают у меня в мозгу. Какой-то рэпер вопит по-английски, оглохнуть можно. Я проклиная Марго – опять она ездила на моей «хонде» с инструктором по вождению! – и кручу ручку до тех пор, пока не удастся поймать мало-мальски мелодичную музыку.

Ностальгия.

*Let It Be*<sup>6</sup>.

Я едва не задохнулась, услышав ее.

Нули у меня в голове закручиваются в смерч, потом складываются в длинную цепочку, которая удавкой стягивает мысли. Сколько шансов из скольких миллионов нужно, чтобы наткнуться именно на эту песню?

Какого бога-шутника мне довелось разбудить?

*When I find myself in times of trouble...*<sup>7</sup>

Внезапно на глазах вскипают слезы, я уже готова остановиться на обочине и включить «аварийку», но тут на приборной панели начинает вибрировать мой смартфон. *Мама Нати, на помощь...*

Это звонит Лора.

– Мама, ты что, за рулем? Можешь говорить?

Лора, которая с шестнадцати до двадцати пяти лет плевать хотела на мой рабочий график, последние полтора года горячо им интересуется. Вот и сегодня – еще часа не прошло, как я его получила, а она, похоже, уже всполошилась. Прочитала и кинулась звонить, чтобы разведать обстановку... и задействовать меня.

– Мам, я так поняла, что ты возвращаешься из Монреаля в пятницу вечером. Я смогу привезти к тебе Этана и Ноэ в субботу утром? Нам с Валентином нужно съездить в «ИКЕА», а брать с собой парочку этих чудовищ невыносимо. Я их привезу часов в десять утра, чтобы ты успела опомниться от разницы во времени.

В десять утра? Вот спасибо, дорогая! Ты ведь отлично знаешь, что после шестичасового перелета из Канады я вряд ли сомкну глаза ночью... А что касается «ИКЕА», моли бога, чтобы твой папаша об этом не прознал!

– Спасибо, мамочка! – бурно благодарит Лора, не оставляя мне выбора. – Ну пока, побегу раздавать порошки и таблетки моим убогим.

И отключается.

Лора, моя старшенькая... Двадцать шесть лет, медсестра в больнице Бишá.

Лора – умница, Лора – аккуратистка, у Лоры вся жизнь распланирована до мелочей, у Лоры есть муж Валентин, жандарм, аджюдан<sup>8</sup> полицейской бригады города Сержи, который ждет перевода по службе, чтобы получить звание лейтенанта. В их паре Лора – воплощенная стабильность, а он – воплощенное движение. Хотя при этом они ухитрились построить домик в Понтуазе. «Мама, ты пойми, это выгодное вложение!»

Полтора года назад Лора родила очаровательных шустрых близнецов, Этана и Ноэ, которых Оливье будет обожать, когда они станут достаточно большими, чтобы учиться его реме-

---

<sup>6</sup> «Пусть будет так» (*англ.*) – песня «Битлз» (П. Маккартни, 1969).

<sup>7</sup> Когда в жизни мне бывает трудно (*англ.*).

<sup>8</sup> Аджюдан – старший унтер-офицерский чин французской жандармерии.

слу, а пока ими занимаюсь я – когда сижу дома. Не правда ли, идеальный вариант: бабушка, которая отсутствует две недели в месяц, а все остальное время полностью посвящает внукам?

Еще какой-то миг я смотрю на погасший дисплей мобильного, на его розовый девчачий корпус, на маленькую черную ласточку, нацарапанную шариковой ручкой на пластмассе, потом снова прибавляю звук.

*Let It Be...*

А в голове у меня по-прежнему хихикает бог-шутник.

*Монреаль, Лос-Анджелес, Джакарта...*

Он выбрал три самых прекрасных маршрута в моей жизни – черная дыра, белая дыра, небытие.

Соблазн без угрызений совести, боль разлуки, беспомощность, самопожертвование и пустота – бездонная, невыносимая,

которую я тем не менее вынесла,

хоть и носила в себе

все эти годы.

И которую я заполнила

Лорой, потом Марго, а за ними – Этаном и Ноэ.

Которую я заполнила...

Одни женщины заполняют счастьем сердца любимых, другие сами полны счастья.

*Let It Be...*

\* \* \*

Руасси-Шарль-де-Голль, терминал 2F. Затянутая в свой голубой костюм, с красной косынкой на шее, я торопливо шагаю по длинному коридору, ведущему к выходу М. Одной рукой качу за собой чемодан, другой вынимаю список членов экипажа.

Идущие навстречу мужчины оборачиваются, глядят мне вслед. Форменная одежда и уверенная походка действуют на растерянных путников магически. Сочетание энергии и элегантности. Видимо, это сочетание плюс легкий макияж помогают бороться с возрастом. Миную выходы J, K, L, не отрывая глаз от списка тех, с кем полечу в Монреаль, и едва сдерживаю радостный возглас, увидев первое имя.

*Флоранс Гийо.*

Фло!

Подружка моя, самая любимая из коллег! За тридцать лет работы случай соединял нас в полете меньше десяти раз. Если хотим лететь вместе, мы должны писать совместное заявление. Два дня в Монреале вместе с Флоранс, какая удача! Флоранс – ступок энергии. Сколько лет ей пришлось ворковать, обхаживая пассажиров бизнес-класса, в поисках элегантного красавца-мужчины, готового на ней жениться! И она нашла, хотя лично я ни разу не видела ее бизнесмена. Флоранс стала примерной супругой, что не мешает ей летать и развлекаться на всю катушку во время каждой стоянки, пить-гулять-веселиться... вот только она больше ни с кем не воркует. Она любит своего президента-директора, знаю, что любит.

Фло, моя верная наперсница. Фло, которая ухитрилась продегустировать все алкогольные напитки планеты – от тропических водок до азиатских виски. Фло, которую я уже знала, когда... Я едва успеваю втащить чемодан на «бегущий тротуар», каким-то чудом избежав столкновения с группой из семи туристов в турбанах. И снова у меня в мозгу звучит сигнал тревоги.

Фло?

Именно на этом рейсе Париж – Монреаль?

Точно как двадцать лет назад?

Вероятность такой встречи исчисляется, наверно, бесконечным количеством нулей... Летный состав *Air France* – около десяти тысяч человек.

Я пробираюсь между пассажирами, держа курс на выход М и стараясь выбросить из головы дурацкие расчеты. Может, Фло просто поменялась с кем-нибудь, чтобы лететь вместе со мной? Может, этому есть другое объяснение? А может, чистая случайность, и ничего более.

Взгляд падает на другие имена в списке, некоторых из этих людей я знаю. Особенно Эмманюэль Риу, более известную среди экипажей под именем Сестры Эмманюэль, старшую бортпроводницу, самую строгую и надежную по части безопасности в нашей авиакомпании. Я морщусь, но, прочитав следующее имя, тут же улыбаюсь. Жорж-Поль Мари, один из самых любимых моих стюардов. Высокий, элегантный, даже изысканный. Тоже своего рода легенда нашего воздушного флота.

Иду дальше по списку, вот и наш командир.

Жан-Макс Баллен!

Меня пробирает дрожь.

Жан-Макс...

Ну конечно, мой бог-шутник не мог упустить такой случай, он решил довести свой розыгрыш до конца. Рейс Париж – Монреаль 28 сентября 1999 года, тот самый, на котором мы работали вместе с Фло, а рулил Жан-Макс Баллен!

Рейс, во время которого моя жизнь свернула с прямого пути.

Рейс, когда все началось.

Выход М.

*Когда новый день наконец займетя,  
Когда тот, кто спал, на заре проснется  
И ранняя птица в небо взвоетя  
В лесу, где встретили мы рассвет,  
Бесследно растает наш легкий след.*

2

28 сентября 1999

Выход М.

Приезжаю в Руасси, едва не опоздав, в дикой панике: у Лоры отит. Уже второй со времени поступления в подготовительный класс. Я долго колебалась, не зная, как быть – взять бюллетень по уходу или оставить ее на Оливье. Вот он – выход М, а меня еще трясет от напряжения. Но тут объявляют, что наш вылет откладывается на полчаса, экипажу предлагают пока отдохнуть.

Зал посадки на Монреаль напоминает лагерь беженцев после исхода. Слишком много пассажиров, кресел на всех не хватает. Люди сидят на полу, детишки бегают по залу, младенцы орут. Я направляюсь к газетному киоску, чтобы купить какой-нибудь журнал, и тут меня перехватывает один из пассажиров: его беспокоит задержка, успеет ли он на пересадку до Шикутими?<sup>9</sup>

Шикутими? Одно только название сразу вызывает в воображении картины больших озер и сосновых лесов, хотя этот пассажир никак не похож на лесоруба, скорее на легкую добычу какого-нибудь тамошнего гризли. Шикутимец топчется, пожирая глазами мой бюст (бедняга едва достаёт мне до подбородка), по-моему, он не против тактильного исследования. Может, и подошел лишь для того, чтобы заглянуть в вырез блузки и вдохнуть аромат моих духов? В свои тридцать три года я давно привыкла к комплиментам – всяким! – научилась с ними разбираться и не позволять абы кому ловить взгляд моих глаз – серых, с зеленым оттенком, когда я сержусь, или почти голубых, когда влюблена. Чаще всего я их скрываю под темной прядью волос, достаточно длинной, чтобы на время рейса ее можно было подколоть, а после посадки покусывать или обматывать вокруг кончика носа. Это моя давняя привычка, чуть ли не мания, которую я компенсирую такой широкой улыбкой, что она превращает мое удлиненное лицо в большой теннисный мяч, разрезанный надвое, а щелочки глаз – в лазерные указки.

Я отвечаю, сохраняя безопасную дистанцию, спрятавшись за вовремя упавшей прядью:

– Не волнуйтесь, мсье, наш командир наверняка сумеет наверстать опоздание во время перелета.

Коротышка-лесоруб взирает на меня с недоверием. А ведь я его не обманываю: нам давно известно, что командир Баллен не слишком строго соблюдает правила режима полета. Очень уж ему не терпится добраться до места назначения и до отеля. Этот сорокалетний красавчик-пилот с улыбкой Тома Круза, в лихо заломленной фуражке, усердно кадрил меня несколько лет назад, когда мы с ним пили мохито в холле «Комфорт-Отеля» города Токио. Я тогда сразу внесла полную ясность: мадам замужняя – и прочно замужняя! – дама, более того – мать очаровательной пятилетней Лоры. Он взглянул на фотографию моей малышки с умилением, достойным Дюссолье в фильме «Трое мужчин и младенец в люльке»<sup>10</sup>, и заявил, что мне повезло, моему супругу еще больше, а вот у него нет ни жены, ни детей и никогда не будет. «Такова цена свободы», – философски заключил он и, встав, направился к крошечной японке в голубых носочках и с бантиком того же цвета в волосах.

Коротышка-лесоруб наконец отошел и присоединился к группе «беженцев». Стюардесса у стойки выхода на посадку – поистине стойкая девушка, с которой я не знакома, – терпеливо ждет, прижимая к уху рацию. Я дружески машу ей издали, окидываю беглым взглядом пассажиров и тут вдруг... вижу *его*. Вернее, сначала не вижу, а слышу. Эта странная

<sup>9</sup> Шикутими (в пер. с языка индейцев инну-аймун «до тех пор глубоко») – город (с 1842 до 2001 г.), а ныне один из трех округов городской агломерации Сагней в провинции Квебек, Канада.

<sup>10</sup> Французская лирическая кинокомедия (1985, режиссер Колин Серро), лауреат трех премий «Сезар».

тихая музыка едва различима среди детских воплей, фамилий опоздавших пассажиров, которые выкрикивает громкоговоритель, – «последний вызов на рейс до Рио... до Бангкока... до Токио...» – и грохота реактивных самолетов, взлетающих за стеклянной стеной аэропорта.

Тихая, завораживающая музыка.

Сначала я слышу ее, потом слушаю, потом пытаюсь выяснить, откуда она звучит. И только тогда замечаю его.

Он сидит в сторонке от других пассажиров, у самого выхода Н, почти невидимый за грудой сваленных кое-как чемоданов, под огромным рекламным плакатом с А320, летящим в звездном небе.

Отрешенный от всего, один в этом мире.

Сидит и играет.

Похоже, никто, кроме меня, его не слушает.

Я останавливаюсь. Он меня не видит. Думаю, он сейчас никого не видит. Сидит, поставив ноги на край кресла, высоко подняв колени, и перебирает струны своей гитары. Тихо-тихо, словно не хочет мешать соседям. Словно играет только для себя. Один – в своей собственной галактике.

Я долго рассматриваю его. До чего же он хорош в этой кепке в красную шотландскую клетку на длинных кудрявых волосах, с этим тонким, продолговатым лицом! У него голова и тело хрупкой птицы. В зале вылетов одни люди читают – кто «Монд», кто «Экип», кто книгу, – другие спят, третьи разговаривают, а он прикрыл глаза, расслабленно разомкнул губы и позволяет пальцам вольно гулять по струнам, словно детям, оставшимся без присмотра родителей.

Сколько же простояла я так, разглядывая его? Десять секунд? Или десять минут? Как ни странно, первое, что мне сразу бросилось в глаза, это его сходство с Оливье. Тот же светлый взгляд, и успокаивающий, и отрешенный, как сияние полной луны, как светящееся окошко в ночной тьме. Этот гитарист выглядел настолько же гибким и хрупким, насколько Оливье был сильным и коренастым, но обоих отличало удивительное обаяние. То самое, которое мгновенно пленило меня в будущем муже, когда в один достопамятный день я сидела в его мастерской, наблюдая, как он колдует над круглым одноногим столиком – любовно обстругивает, шлифует, полирует, скрепляет детали шпильками, покрывает лаком... Ах, этот солнечный ореол одиночек! Оливье – столяр-краснодеревщик, этот мальчик с гитарой – артист, но они казались мне братьями-близнецами, с головой ушедшими в свое искусство.

Я безмерно восхищаюсь такими людьми! Сама я болтушка, в голове сплошной ветер, обожаю путешествия, встречи и общение. По-моему, в глубине души я только и делаю, что мечтаю о новых горизонтах, мне нравится после каждого нового рейса втыкать очередную цветную булавку в карту полушарий у себя в спальне; наверно, я не успокоюсь, пока не утыкаю ими каждый сантиметр этого постера. А еще я часто думаю, что тайные мысли мужчин, эти заповедные сады, представляют собой самую далекую и последнюю из неосвоенных земель на свете. Мне кажется, что если я и буду вечно любить Оливье – проклиная при этом его молчаливость, его отрешенность даже за семейным столом или в супружеской постели, – то лишь потому, что твердо знаю: первой, на кого он устремит взгляд, вернувшись из своих мысленных странствий, буду я, а значит, мне есть чем гордиться. Ибо свои редкие слова он обращает именно ко мне. Я единственная, кого он впускает в свой заповедный сад. И меня восхищает это свойство Оливье – чувствовать себя свободным, не покидая мастерской. А ведь я иногда ненавижу все эти диваны-столы-стулья, доски, стружки и опилки, жужжание дрели и шарканье рубанка. Моему сердцу милы только огни, смех и музыка.

– Нати!

Звонкий голос вырывает меня из раздумий. Передо мной стоит Флоранс, моя любимая блондиночка. Она выглядит возбужденной, и ей пришлось чуть ли не кричать, чтобы я очнулась.

– Нати! – повторяет Фло. – Нати, ты никогда не догадаешься, что случилось!

Она даже подпрыгивает на месте от возбуждения – ни дать ни взять девчонка, которая готовится впервые прокатиться на карусели. Красная шейная косыночка стюардессы превратилась в ее пальцах в смятый комок шелка.

– Что стряслось?

– С нами летит Роберт!

– Роберт? – До меня не сразу доходит, о чем она. И я переспрашиваю: – Роберт? Нет... Только не говори, что с ним будут и Раймон, и Гастон, и Леон!

Фло хохочет.

– Смит, дурочка безмозглая!

Какой еще Смит? Да этих Смитов, летящих в Северную Америку, с десятков в каждом самолете.

– Вау, мистер Смит? Да неужели?! Сам мистер Смит?

Понятия не имею, о каком Смите речь. Фло пялится на меня так, словно перед ней обезьяна, слезшая с пальмы.

– Роберт Смит, дошло до тебя? Черт подери, Натали, да проснись же! Смит – солист «Кью», тот взъерошенный зомби, двойник Эдварда Руки-Ножницы. Завтра вечером он выступает в Монреале! И летит с нами, в бизнес-классе, со всей своей группой и импресарио!

### 3 2019

Подхожу к выходу М.

Стараюсь отогнать воспоминания, которые теснятся в голове, возникают одно за другим, словно хотят снова пройти чередой перед моим мысленным взором, возродиться к жизни.

Мне кое-как удалось отделаться от назойливых образов 1999 года – зала в ожидании посадки, пассажира, летящего в Шикутими, возбужденной Фло – от всего этого, но не от гитарных аккордов. Самая рациональная часть мозга пытается вразумить меня: «Эй, красавица, кончай с этим бредом!»

Сунув список членов экипажа в карман форменного жакета, я пробираюсь между пассажирами, которые ждут приглашения на посадку, некоторые вполне терпеливо, а некоторые – торопыги или приехавшие в аэропорт слишком поздно и не нашедшие свободных мест в зале – начинают выстраиваться в очередь перед стойкой. В самолет их впустят не раньше чем через двадцать минут, но я по опыту знаю, что и те, кто сидит, сейчас встанут в этот импровизированный, непрерывно растущий хвост, вместо того чтобы спокойно отдохнуть в кресле.

Я бы предпочла второе.

Сидя удобнее за всеми наблюдать.

Но вообще-то это чистая глупость, сама не понимаю, зачем я пришла в зал посадки, когда все остальные коллеги давно ждут меня в самолете, готовые бдительно рассмотреть каждого входящего пассажира. И никто из путешественников не обращается ко мне за справками ни по поводу Шикутими, ни по каким другим. Это мозг продолжает играть мною в пинг-понг, гоняя между прошлым и настоящим, словно замороженный совпадениями между двумя рейсами, нынешним и двадцатилетней давности. Париж – Монреаль – Лос-Анджелес, посадка у той же стойки М, с той же Фло, с тем же первым пилотом Балленом... Я снова и снова пытаюсь привести себя в чувство. Обычно должность стюардессы не мешает мне стоять обеими ногами на земле.

Меня не впервые посещает чувство дежавю. Уже казалось, что я когда-то была в подобной ситуации, проходила по тому же коридору к той же стойке регистрации, на тот же рейс и с тем же экипажем; когда я вдруг забывала, который час, кто я такая и куда лечу – в Пекин, Пуэнт-Нуар или Токио, – особенно если рейсы повторялись слишком быстро, только успевай пересаживаться из самолета в самолет. Да, возвращаясь домой после долгих ночных перелетов, я часто ощущаю себя оторванной от времени и пространства.

Но никогда – *перед* рейсом!

Никогда – приезжая из Порт-Жуа после пятидневного отдыха.

И теперь я, несмотря на жалкие остатки благоразумия, не могу заставить себя не всматриваться в этом переполненном зале ожидания в каждое лицо и не вслушиваться в каждый звук.

Более того, я знаю, сама себе в том не признаваясь, что именно ищу здесь.

Красную клетчатую кепку! Кудрявые – сейчас, наверно, поседевшие – волосы.

И конечно, не нахожу, хотя где-то в углу аэропорта явственно слышу тихую гитарную мелодию.

Господи, какая же я идиотка!

Продолжаю машинально обводить взглядом зал, пытаюсь умерить свое смятение. Неужели сегодняшняя Натали так ничего и не поняла? Неужели она недостаточно настрадалась? Та, прежняя Натали еще не знала, что ее ждет, но ведь с тех пор прошло двадцать лет! Так неужели я позволю давним призракам терзать меня из-за каких-то трех нелепых совпадений?! Выход М терминала 2F 2019 года не имеет ничего общего с тем, 1999-го. Теперь здесь

повсюду экраны – огромные на стенах, малюсенькие в руках путешественников. Некоторые из пассажиров подзаряжают их от своих аккумуляторов или от аэропортовых розеток. Залы посадки превратились в станции обслуживания, где можно купить сколько угодно батареек.

И все-таки я трижды бдительно осматриваю каждого пассажира. И молодых – что совсем уж глупо, – и, главное, пятидесятилетних... Нет, никто из них не похож на него, ни вблизи, ни издали. Ни у кого нет с собой ни гитары, ни других инструментов. Никто ничего не играет для окружающих. Здесь у каждого своя музыка, и они слушают ее, уединившись в тишине своих наушников.

Мой бог-шутник, кажется, исчерпал запас розыгрышей. Прошлое никогда не возвращается, даже если жизнь переполнена воспоминаниями, которые изредка будоражат душу. Как говорили греки, или японцы, или еще какой-то народ, исполненный мудрости, в одну и ту же реку нельзя войти дважды. Даже если она течет так же медленно, как Сена около моего сада. Жизнь – это длинная спокойная река, кое-где с перекатами, чтобы ей слаще журчалось, и главное – не пытаться плыть по ней против течения...

*So long*<sup>11</sup>, Ил...

– Нати!

Этот голос вырывает меня из прошлого. Оборачиваюсь. И вижу Фло. Безупречно сидящая форма, белокурый шиньон с просверками седины и несколько новых морщинок со времени нашего последнего совместного рейса в Куала-Лумпур прошлой зимой. Зато выражение лица – как у подростка, впервые севшего на мотоцикл.

– Нати, – повторяет Фло, – что ты тут прохлаждаешься! Бежим скорей! Я такое узнала!..

– Опять?

– У нас на борту *Роберт*!

Какой еще Роберт?

Открываю рот... и не могу вымолвить ни слова.

*Роберт*...

Нет сил шевельнуться, застыла как парализованная, вцепившись в ручку чемодана на колесах. Фло замечает, что я пошатываюсь, раздражается смехом и поддерживает меня, схватив за плечи.

– Да-да, Роберт Смит, старушка! Солист «Кью», клянусь чем хочешь! Оказывается, он жив! Более того, они по-прежнему ездят в турне и сейчас сидят в нашем самолете! С ума сойти, Нати, я как будто помолодела лет на двадцать!

\* \* \*

Я стойко перенесла этот шок. По крайней мере, сделала вид. Миллионы километров, проведенных в самолетах, помогают сохранять на лице автоматическую улыбку. На ватных ногах я прошла за Фло к нашему самолету и, привалившись к стенке у входа, встретила и поприветствовала каждого пассажира эконом-класса, пока Фло занималась персонами из бизнес-класса, в том числе английскими рок-звездами, которым через три дня предстоял концерт в «Метрополисе», историческом зале Монреаля. То есть на следующий день после того, как мы вылетим обратно.

Мое сердце бьется со сверхзвуковой скоростью, пока я слушаю, как наш Жан-Макс обращается к пассажирам со своим фирменным квебекским говорком: *Говорит командир корабля Баллен. А ну-ка, быстренько пристегнитесь, ребята, мы кончили газовать, сейчас немножко потрясемся.*

---

<sup>11</sup> Прощай (англ.).

Считается, что добрая шутка пилота способствует хорошей репутации авиакомпании не меньше вкусного обеда на борту. Пассажиры искренне смеются. И стюардессы, впервые летящие с Жан-Максом, тоже, покоренные юмором нашего командира-ветерана. Только Жорж-Поль, Фло и Сестра Эмманюэль – самые опытные члены экипажа – слушают его со скучающим видом. Жорж-Поль набирает последнее сообщение на мобильнике, Фло поправляет прическу, готовясь угостить шампанским своих рок-звезд, а Сестра Эмманюэль хлопает в ладоши.

За работу!

Напялив маску Дарта Вейдера, я приступаю к пантомиме – инструктажу по обращению со спасательными средствами, – которую вслед за мной разыгрывают Жорж-Поль и стажерка Шарлотта, моя юная подопечная. Сестра Эмманюэль следит за нами с зоркостью балетного педагога. Она последняя из поколения старших стюардов, которые считали, что наше представление должно увлечь пассажиров. Я уверена: будь ее воля, она запретила бы им пользование мобильниками, чтение журналов и даже частные разговоры на время нашего инструктажа. Или пригрозила бы, что по окончании процедуры устроит экзамен и проверит, все ли внимательно слушали.

Под присмотром Сестры Эмманюэль этот спектакль длится вдвое дольше, чем без нее, но сейчас он позволяет мне кое-как привести в норму сердечный ритм.

Я по-прежнему погружена в свои мысли, но хожу по салону, наводя порядок: успокаиваю плачущего ребенка, пересаживаю на другое место сговорчивого пассажира, чтобы воссоединить влюбленную парочку, и даже успеваю посидеть и передохнуть перед тем, как Жан-Макс объявит: *Ребята, сидите смирно, сейчас наша тачка оторвется от земли!*

Пока самолет пролетает над Парижем, мое дыхание приходит в норму. Вскоре Жорж-Поль сообщает, что мы уже над Версалем. Те, кто его слышит, принимают к иллюминаторам, чтобы проверить, так ли это, и восхищенно подтверждают: *Точно, Версаль!*

Я почти успокоилась, но в голове продолжает звучать голос Фло: *У нас в самолете Роберт! Роберт Смит, ты представляешь?! Солист группы «Кью», клянусь чем хочешь!* И я не могу понять, когда услышала эти слова – двадцать минут или двадцать лет назад? Мне расхотелось играть в вероятности, я просто добавляю это новое совпадение к списку предыдущих: рейс Париж – Монреаль, старший пилот Жан-Макс Баллен, стюардесса Флоранс... а теперь еще и группа «Кью» в полном составе, в бизнес-классе! Мне хватило бы и одного из этих совпадений, чтобы сойти с ума. Наверно, я продолжаю искать разумные объяснения тому, что все так совпало, я убеждаю себя, что стала жертвой скрытой камеры, или дурацкого розыгрыша, или галлюцинации. Что все это – простое стечение обстоятельств, одна из тех невероятных историй, которые случаются пару раз в жизни, и потом, когда все разъяснится, они станут хорошим сюжетом для рассказов.

Рассказов – кому? Кому я могу поведать *эту* историю?

Рассказать – значит сознаться. Сознаться в страшном. Сознаться в настигшем меня проклятии, под гнетом которого я жила все эти двадцать лет.

\* \* \*

Самолет уже набрал высоту и теперь с мерным рокотом летит над морем облаков. Я встаю, раздаю подносы с обедом, приношу дополнительные одеяла, объясняю пассажирам, как откинуть спинку кресла, как выключить свет, советую надеть наушники, чтобы не слышать шума двигателей. Потом оставляю людей дремать в безмолвии.

Сижу одна в заднем отсеке, прижавшись лбом к шторке иллюминатора, и размышляю, стараясь убедить себя, что между рейсами 1999-го и нынешним все-таки есть разница, и гораздо более существенная, чем все эти совпадения. Я уже сто раз перечитала список пассажиров, взгляделась в каждое лицо в каждом ряду.

Илиана среди них нет.  
Закрываю глаза. Возвращаюсь в прошлое.  
В год *того* рейса двадцатилетней давности.  
Рейса, где был Он.

## 4 1999

Самолет летит над океаном, и он пустынее пустыни. Атлантика. Ни одного острова на три с лишним тысячи километров, до самого Ньюфаундленда. Ни одного судна внизу, на волнах, сколько ни гляди.

Я сижу в служебном отсеке. Фло наклоняется ко мне, протиснувшись между металлическими тележками для раздачи еды. Она шепчет, чтобы ее не услышали пассажиры, которые стоят тут же в очереди в туалет, переминаясь с ноги на ногу, – то ли качка виновата, то ли им так приспичило.

– Знаешь, о чем меня попросил командир Баллен?

– Нет.

– Он мне показал копию списка пассажиров, где пометил крестиками с десяток фамилий и объяснил, причем на полном серьезе, что это женщины, которые летят одни, без мужей и детишек.

Нахмуренные брови Фло вызывают у меня улыбку. Из ее шиньона выбиваются непокорные пряди, словно подчеркивая ее возмущение.

– Ну и пусть, если его это забавляет, – говорю я. – Перелет через Атлантику долог. Я знаю командиров, которые ухитряются решать за штурвалом кроссворды, а некоторые...

– Погоди, Нати, это еще не все! Из десяти пассажирок он вычеркнул тех, кому меньше двадцати лет и больше сорока...

– Я же говорю: перелет через Атлантику долог.

– ...после чего попросил меня сходить и посмотреть, как выглядят семь оставшихся... и пригласить самую хорошенькую посетить его в кабине!

Глаза Фло мечут молнии – она оскорблена в лучших чувствах. Я еле удерживаюсь от смеха. Мне такая методика отбора кажется скорее остроумной.

– Ну и? Что ты сделала?

– Послала его ко всем чертям, конечно! И тогда он сказал: «Не хочешь услужить – не надо, я не заплачу» – и протянул свой идиотский список Камилле. И эта якобы недотрога не заставила себя долго упрашивать – пошла в салон разыгрывать сводню!

В полном изумлении, я выглядываю из своего закутка и вижу Камиллу: она идет по проходу, освещая фонариком лица пассажирок в поисках «избранниц султана», и наверняка надеется, что ни одна ему не приглянется и она сможет хоть на один вечер стать фавориткой командира.

– Не так уж глупо придумано! – шепчу я на ухо Фло. – Ты вполне можешь сделать то же самое!

– Что?! Переспать с командиром?! Неужели ты думаешь, что я такая размазня?

И она свирепо щиплет меня за плечо. Ай!

– Да нет же, дурочка! Я советую взять на вооружение его метод – найти в списке одиноких мужчин, которые летят без жен и детей, и выбрать какого-нибудь симпатичного холостяка.

Фло опять хищно нацеливается на мое плечо, но на сей раз я ее опережаю. Фло – очаровательная блондиночка, сплошные соблазнительные изгибы и выпуклости; так и хочется съесть ее всю целиком, до того она аппетитно выглядит со своими округлыми щечками в веселых веснушках и стройными ножками! Можно подумать, что форменную юбку стюардесс *Air France* заузили специально, чтобы подчеркнуть плавные линии ее упругой попки, а жакет намеренно сделали тесноватым, чтобы потуже обтягивал ее пышную грудь.

– А ты думаешь, я не пробовала? Да я просекла это куда раньше нашего дурака Баллена! Только вот не догадалась, что если такой тип летит один, то значит, он свободен! Жан-Максу

на это плевать, он хочет перепихнуться с девушкой, которая потом не станет приставать. А у меня все наоборот: если я и собираюсь с кем-нибудь переспать, то хочу, чтобы человек ко мне привязался...

Я чмокаю руку Фло, сжимающую мое плечо, а она нежно обнимает меня и шепчет в шею:

– У меня осталось всего шесть лет! После сорока дело кончено...

– Почему? Мне казалось, у тебя есть теория, что стюардесса не должна увлекаться мальчиками.

– Подтверждаю, недостойная мать! Но у меня есть и другая теория, может, она и тебе когда-нибудь пригодится. Ответь, дорогая, что происходит с плохо подобранными супружескими парами? С такими, где муж лучше жены или жена лучше мужа. С такими, где он или она – каторжное ядро на ноге другого, и это все видят. Так что же происходит, если известно, что в девяноста случаях из ста именно жены решают свалить?

Я отрицательно качаю головой, не понимая, куда она клонит.

– А вот что! – объявляет Флоранс. – Нетрудно догадаться, что если сорокалетний мужик все еще состоит в браке со своим «ядром», значит, он просто боится одиночества, тогда как женщина в данной ситуации наверняка послала бы его подальше. Вот так, моя милая. После сорока лет мужик либо надежно пристроен, либо ни на что не годен. Это аксиома! – И Фло выпускает преувеличенно тяжкий вздох. – Ты заметила в самолете хоть одного красивого мужика?

– А твой Роберт? А остальные рокеры?

– Дохлый номер! Попили чаю или минералки, развесили свои белые рубашечки на вешалках и спят как младенцы. Спасибо хоть не надели сеточки на головы, чтобы не смять свои ирокезы.

*Charlotte Sometimes...*<sup>12</sup> Я отвечаю улыбкой. Молчу. Долго молчу. Потом все же решаюсь:

– Ну, один все-таки есть!

– Кто?

Я осторожно направляю луч фонарика на 18-й ряд, еще освещенный верхней лампочкой:

– Вон тот кудрявый паренек в кепке из красной шотландки.

И сразу раскаиваюсь. Мне кажется, Фло посмеется надо мной. Она-то ищет мужчину с положением, способного предложить ей просторную квартиру с большой кухней и балконом на солнечной стороне, чтобы изображать стюардессу *Air France* на полставки, забавы ради. Эдакая наполовину стюардесса, а на другую – домашняя хозяйка. Вот ее дурацкая хрустальная мечта.

– Еще чего! – фыркает она.

– А в чем дело? – удивляюсь я.

– Да в том, что такие златокудрые мальчики не про меня, могла бы и сама догадаться. Мой жанр шляпа-котелок, а не красная кепка. Но я понимаю, почему ты на него глаз положила. Так вот, моя дорогая, послушай свою старую опытную подругу: воздержись! Я не знаю, привяжется ли к тебе этот парень после того, как вы перепихнетесь, но в одном уверена на все сто: к таким мальчикам женщины привязываются навеки, спят они с ними или нет...

– Ты с ума сошла, я замужем!

– Знаю-знаю, подружка, за плотником, совсем как Дева Мария!

\* \* \*

18-й ряд, место D. Одна за другой вспыхивают лампочки. И начинается наша утренняя каторга – раздача двухсот пятидесяти завтраков.

– Чай или кофе?

---

<sup>12</sup> «Шарлотта порой» (англ.) – песня группы «Кью».

Он отрицательно трясет белокурой кудрявой головой, крепко зажав кепку коленями, словно робкий мальчуган, оберегающий самое заветное свое достояние. Потом кладет книгу на столик. Я успеваю прочесть имя автора – Пенелопа Фармер<sup>13</sup> (моя эрудиция сводится к знанию ее однофамилицы Милен<sup>14</sup>).

– А шампанского можно? – спрашивает он. (Ага, значит, не так уж и робок!)

Я улыбаюсь. Под расстегнутой рубашкой виднеется майка с принтом «КБЮ – Мировое турне».

– Его подают только в бизнес-классе. Там, где сидят ваши приятели.

– Мои приятели?

Он говорит по-французски. Значит, француз. Если не считать легкого испанского акцента.

– Ну, остальные из вашей группы. Роберт Смит... Других я не знаю. Кажется... Бобби Браун? Тедди Тейлор? Пол Янг?<sup>15</sup>

Парень безжалостно терзает свою кепку. Наверно, ему приходится каждую неделю покупать себе новую.

– О-ля-ля... Вы только не подумайте, что я член их группы. Меня наняли на три дня помогать во время концерта в Квебеке, потому что я говорю по-французски. Слышали такую шутку: людей спрашивают, кто умеет играть на гитаре, и выбирают того, кто поднял руку, – чтобы таскать за исполнителями их инструменты? Роберт и все остальные даже не знают о моем существовании.

– А жаль... Вы хорошо играете!

У меня это вырывается невольно, банальная вежливая фраза, с какими я обращаюсь к любому пассажиру. Но сейчас она помогает мне держаться в рамках, хотя на самом деле я уже в них не держусь. Внутренний голос нашептывает мне: *Ты катишься по наклонной плоскости, Нати, по наклонной... по наклонной...* А ему вторит голос Фло: *Воздержись, Нати... воздержись!*

Парень продолжает комкать свой головной убор, словно тряпку.

– Откуда вы знаете?

– А я вас слушала в зале, перед посадкой.

Он смотрит удивленно, почти испуганно, – точно мальчишка, пойманный на шалости. Такой трогательный в своей застенчивости. А я чувствую, что соскальзываю все ниже, а спуск все круче. Он продолжает с легкой улыбкой:

– Мне еще платят за настройку инструментов. Вообще-то я ничего не играл, просто настраивал гитару.

– Это... это правда?

Он наконец перестает теревить кепку, а я жалею, что не могу эффектно откинуть назад свою прядь, сейчас надежно забранную в пучок.

– Нет, я пошутил. Я и правда играл. Ну... импровизировал.

Ага, значит, этот робкий юнец еще и шутник! Он подманил меня к западне, и я с ходу в нее угодила.

– Это было красиво.

– Спасибо.

Пауза.

---

<sup>13</sup> Пенелопа Джейн Фармер (р. 1939) – английская писательница, автор известных детских романов-фэнтези.

<sup>14</sup> Имеется в виду Милен Фармер (р. 1961) – французская поппевица канадского происхождения.

<sup>15</sup> Ни один из этих музыкантов никогда не имел отношения к группе «Кбю».

Я чувствую, что скатилась ниже некуда и если сейчас же не заторможу, это выльется в бесконечное падение, как у Алисы в Стране чудес. Он снова хватается за многострадальную кепку. И я замечаю, что у него обгрызены ногти.

– Но это были не *Boys Don't Cry* и не *Close to Me*...<sup>16</sup> Кстати, если любите гитару, почему не обслуживаете настоящих музыкантов – там, в бизнес-классе?

– Я уступила их подруге, она обожает звезд!

– Жаль, сочувствую вам...

Его светлые глаза, более голубые, более искренние, чем мои, выражают неподдельное участие, словно он считает себя недостойным того времени, которое я на него потратила. Первое, чему нас учат на стажировке, это умение говорить с каждым пассажиром интимным, душевным тоном, чтобы клиенту казалось, будто он путешествует на личном самолете. Я использую профессиональную уловку – заглядываю ему в глаза и «рискую» сделать признание:

– Не думаю, что проиграла, а вот за вас мне обидно.

Он неотрывно смотрит на меня:

– Что-то не верится.

Не могу понять, чем заняты его руки. И безуспешно ищу выход из положения:

– Ну и зря... Моя подруга очень хорошенькая... Кроме того, в бизнес-классе подают шампанское... Хотите, принесу и вам?

– Не стоит. Я пошутил. Мне нечем за него заплатить.

– Это не проблема, я вас угощу за счет заведения.

– Да нет, как раз проблема. Когда в кармане ни гроша, особенно сильно хочется за все платить.

Я хмурю брови и притворяюсь рассерженной, но не слишком, – стараюсь, чтобы мои глаза не метали молнии. За последние шесть лет поднаторела в этом, тренируясь на Лоре.

– Но я же сказала – за счет заведения! Пусть это будет гонорар за ваш короткий импровизированный концерт!

– А вы упрямая. Не забывайте, здесь еще двести пассажиров, которые ждут, что вы им предложите – чай или кофе?

– «Моэт» или «Вдову Клико»?

Он испускает тяжелый вздох покорности судьбе. Его руки лежат на коленях и как будто подстерегают одна другую.

– Окей, пусть будет «Моэт». Но в таком случае я вас приглашаю на наш настоящий концерт. – Я не успеваю опомниться, как он продолжает: – Сегодня вечером, в семь часов, в баре «Фуф», рядом с «Метрополисом». Если мы встретимся пораньше, я смогу провести вас через служебный вход. Придется посидеть на ящике, зато окажетесь меньше чем в двадцати метрах от Роберта, Джейсона, Саймона и Роджера.

Я буквально немею, а парень с ловкостью фокусника хватает шариковую ручку, фирменную салфетку *Air France* и вот уже протягивает мне адрес бара: *87, улица Сент-Катрин, 19:00*. И больше ничего – ни имени, ни номера телефона. Только наверху, над записью, нацарапана крошечная птичка с раздвоенным хвостом.

– Значит, до завтра, Miss Swallow?

– Простите?

– *Swallow* – это по-английски «ласточка»... Вы похожи на ласточку, мадемуазель, вольную, как ветер, которая летает по всему свету в своем голубом костюмчике и красной косынке.

Вольная, как ветер...

<sup>16</sup> «Мальчики не плачут», «Рядом со мной» (англ.) – синглы группы «Кью».

Я открываю рот, чтобы ответить (сама не знаю что, никогда не умела быстро реагировать на шутки), но тут раздается громкая трель звонка и голос Жан-Макса Баллена перекрывает все разговоры:

– Доброе утро, ребята! Надеюсь, полет был приятным. В данный момент мы начинаем потихоньку заходить на посадку в Монреале. Внизу собачий холод, минус тридцать, а снегоочистители забастовали. Сейчас вам выдадут коньки, чтобы добраться до аэровокзала, потому что посадочная полоса – сплошной каток. Рекомендую держаться вместе, выходя из самолета: нам сообщили, что у трапа собрались полчища голодных гризли.

## 5 2019

Сколько же времени я проспала? Сколько провела в размышлениях, прислонившись головой к шторке иллюминатора, двадцать лет назад?

Шарлотта тихонько трясет меня за плечо: «*Нати, Нати, завтрак!*» Я не сразу прихожу в себя: чудится, будто мне принесли завтрак в постель. Но тут мой взгляд падает на десятки подносов, загруженных в металлические тележки. За работу!

18-й ряд, место D.

Парень лет тридцати спит, скрючившись и уронив голову на колени сидящей рядом девушки. Ни кудрей, ни кепки, голова бритая, с легким пушком, который нежно гладит его возлюбленная. В этом салоне никто не носит кепок. Никто не похож на Илиана. И никого так не зовут.

Илиана нет в самолете.

Раздаю подносы направо и налево, мысленно проклиная бога-шутника, который забавы ради преподнес мне целую кучу совпадений, но оставил при себе то единственное, о котором я так неистово мечтала.

Я уже раздала почти половину завтраков, с 1-го по 29-й ряд, когда мне на помощь подошел Жорж-Поль:

– Давай я развезу остальное, а ты иди отдохни, Нати.

Неужели я выгляжу такой замученной?

Иду в хвост самолета, оглядываясь на высокого стюарда с изящными движениями. Мальчик лет десяти дергает его за рукав, пока он наливает кофе. Наверняка раскусил шутку командира.

– Мсье, где мы сейчас находимся?

– Мы пролетаем над Мадленскими островами<sup>17</sup>, друг мой, – отвечает Жорж-Поль, не прекращая наполнять стаканчики, – в ста километрах к северу от острова Принца Эдуарда.

Мальчишка в полном восхищении. Минут через пятнадцать он – или другой такой же – задаст Жорж-Полю тот же вопрос.

Это любимый номер стюарда, который он демонстрирует из рейса в рейс. Жорж-Поль так усовершенствовал свое умение ориентироваться во времени и в пространстве, что может абсолютно точно сказать, где находится самолет в данный конкретный момент. Он, конечно, делает поправки на ветер и турбулентность, но обычно одна только скорость самолета позволяет ему определиться с ответом.

Это фирменный трюк нашего Жорж-Поля Мари – Старшего, как его окрестили коллеги. Все остальные, даже те, кто никогда с ним не летал, знают его под красивым прозвищем GPS.

Сажу в заднем отсеке, закрыв глаза. Фло застряла в бизнес-классе со своими постаревшими рок-звездами. Я пару раз заглянула к ней туда, и Жан-Макс Баллен не преминул вlepить мне поцелуйчик по дороге. *А ты все такая же хорошенькая, Нати, тебе очень к лицу эта седая прядка, ты совсем не стареешь!* Вот трепло! В мои пятьдесят три года я осталась легкой как перышко, но когда улыбаюсь, вокруг глаз образуются морщинки. Яблочко... слегка увядшее. Не то, которое хочется съесть в первую очередь.

Внезапно на меня наваливается усталость, отяжелевшую голову тянет вниз. Зашить бы веки, чтобы они никогда больше не открывались. А заодно остановить мысли, помешать им вертеться вокруг этих странных совпадений, которым нет никакого разумного объяснения. Ну

---

<sup>17</sup> Архипелаг в заливе Святого Лаврентия (Канада).

почему я не могу жить как все, подсесть к своей подружке, раздав еду, поболтать с ней обо всем и ни о чем?!

И тут Шарлотта, как будто прочитав мои мысли, подходит, оглядывается, проверяя, нет ли кого рядом, и, наклонившись, шепчет:

– Натали, мне нужно с тобой поговорить.

Шарлотта – моя подопечная. Мы впервые летим вместе, но в прошлом году дважды проходили трехдневную стажировку в Руасси. В течение этих нескончаемых дней, посвященных нудному изучению новомодных инструкций по безопасности, написанных типом, видимо никогда в жизни не летавшим на самолете, мы с ней подвергались идиотским тестам, касавшимся нашего умственного здоровья («У вас есть ощущение, что вы ведете нормальную семейную жизнь? Что вы предпочитаете делать во время стоянок – спать, гулять по городу, пить?»), участвовали во всевозможных ролевых играх, тоже идиотских, например: как себя вести 1) при истерике пассажира, 2) при попытке угона самолета и так далее. Шарлотта больше слушала мои советы, чем наставления наших менторов. Ей ведь не больше двадцати, она хорошенькая, как ангел, и еще не утратила способность восхищаться экзотическими названиями рейсов – Тегусигальпа, Вальпараисо, Самарканд... Шарлотта – вылитая я тридцать лет назад. И самая моя любимая в стайке стюардесс. Я обожаю эту девочку, и тот, кто ее обидит, будет иметь дело со мной.

– Я хочу тебе признаться, Натали. Только обещай, что никто не узнает!

Похоже, дело серьезное. Я киваю. Она смело может мне довериться.

– Натали, я влюбилась...

Вот оно что... Ну, это не так уж страшно!

– А он в тебя влюблен?

Шарлотта медлит с ответом.

– Я надеюсь... Нет, я думаю, что да...

Ох, не нравится мне ее неуверенность.

– Он что... женат?

– Нет-нет.

Слишком быстро она мне ответила. Что-то тут неладно.

– А он... намного старше тебя?

– Он... н-нет, ненамного...

Бедняжка Шарлотта совсем сникла; мне кажется, ей хочется укрыться в моих объятиях. Как же я мечтала о том, чтобы Марго тоже поверяла мне свои любовные печали. Увы, ни она, ни Лора никогда меня этим не удостаивали. Да и откуда у моей Лоры взялись бы любовные печали, если она встретила своего будущего жандарма еще до окончания коллежа?! Остается утешать Шарлотту. Я сжимаю ее руки и спрашиваю:

– Так что же у тебя не ладится, красавица моя?

– Ты... ты его знаешь...

Ага!

На ум сразу приходит Жорж-Поль. Высокий, элегантный, умный Жорж-Поль вполне хорош собой, разве что выглядит чуточку старомодным; к тому же он наверняка холост, но мне трудно представить себе девушку, которая согласилась бы проводить дни и ночи с GPS, функционирующим круглые сутки. Я мысленно перебираю других стюардов, достойных любви Шарлотты, и тут она признается еле слышным жалобным голоском:

– Это... это Жан-Макс... То есть... командир Баллен.

\* \* \*

Шарлотту вызвали в передние ряды салона: каким-то детям стало плохо, требовалось их успокоить. Я только успела спросить, как это случилось. «Да так, – ответила она, – как-то случайно, само собой. – Но тут же поправилась: – Нет, не случайно, случайностей не бывает – есть только встречи, как писал Поль Элюар».

Поль Элюар... скажите на милость! Я ничего не ответила. Хотела бы, но у меня не было сил это комментировать. Бедная малышка Шарлотта... Первым делом нужно знакомить молодых стажеров с репутацией наших жеребцов-производителей при галунах. На занятиях следовало бы показывать этим юным сернам диапозитивы со сценами охоты на стюардесс, чтобы предостеречь их от дальнейших неприятностей. Ну что я могу сказать Шарлотте? Что Жан-Макс – главный Казанова всего воздушного флота? Что он славится любовными похождениями уже лет тридцать и не скоро уймется? Правда, теперь он стал меньше хвастать своими победами.

Я лихорадочно ищу решение. Мне совсем не хочется, чтобы сердце Шарлотты разбилося вдребезги.

Возвращаюсь к математике. Ну и денек! Да я со школьных экзаменов столько не считала, сколько за сегодняшний рейс! Значит, так... Баллен старше Шарлотты на... на... на сорок с чем-то лет! Сорок лет – спятить можно!

Нужно составить план действий. Мы проведем в Монреале – вместе с Фло, Жорж-Подем, Жан-Максом и Шарлоттой – одни сутки. И за эти сутки я должна придумать, как открыть маленькой дурочке глаза на этого типа. Притом без посторонней помощи. Даже речи быть не может, чтобы я разболтала тайну подопечной остальным, особенно Флоранс, которая всегда ненавидела командира Баллена.

А впрочем, не так уж все и серьезно. По крайней мере, признание Шарлотты хоть ненадолго отвлекло меня от назойливых призраков прошлого. Я с удивлением ловлю себя на том, что стараюсь от них отделаться. Если хорошенько подумать, в этой сумме совпадений нет ничего невозможного. Доказательство? Это со мной происходит! Но возможно другое: они связаны с чем-то не имеющим отношения к случаю... что бы там ни говорил Поль Элюар!

Успокоившись насчет своей судьбы и встревожившись за Шарлотту, угодившую в зубы нашему воздушному волку, я с облегчением чувствую легкую турбулентность, сотрясающую самолет. Вот удобная возможность размять ноги. Я прохожу по салону, успокаивая пассажиров. По опыту знаю, что даже легкие толчки могут вызвать у самых боязливых непреодолимый ужас. Я ободряю улыбкой родителей, уговариваю детей сидеть смирно, проверяю, все ли пристегнуты, советую поднять столики. Несколько толчков посильнее вызывают у одних испуганные возгласы, у других (немногих) – смешки. Словом, до паники далеко.

Один пассажир, как раз передо мной, судорожно вцепился правой рукой в подлокотник, а левой в свою жену. Лет сорок на вид, смуглая кожа, черные всклокоченные волосы и жиденькие усики. Иностранец. Скорее всего, малаец. Но изъясняется по-английски. Бормочет что-то невнятное – похоже, молитву – и, судя по всему, никак не может решить, что ему вырвать – подлокотник из гнезда или руку жены. Подхожу ближе. Он меня даже не замечает: глаза зажмурены, с губ срываются невнятные слова молитвы, которая его спасет. Жена слушает, продолжая его поглаживать, и я понимаю, что мольбы мужчины относятся к ней. Наклоняюсь, чтобы предложить воды, мятную конфетку, успокаивающее. И слышу:

*When our islands are drowned, when our wings are down...*<sup>18</sup>

---

<sup>18</sup> Когда наш остров в пучину канет, когда гроза нас в полете застанет... (англ.)

Толчок самолета, который никто из пассажиров даже не заметил, отбрасывает меня на два сиденья дальше. Я встаю, пошатываясь. Пассажиры с тревогой смотрят на меня: *С вами все в порядке, мадам?* Я не отвечаю, у меня нет сил говорить, я только и могу, что бессмысленно повторять и повторять слова, которые бормотал этот малайский пассажир, которые я наверняка плохо расслышала – *When our islands are drowned* – и наверняка не так перевела – *When our wings are down*. Которые искажила, переврала...

*When our islands are drowned, when our wings are down...*

Неужели я схожу с ума?

– Нати, ты в порядке? – обеспокоенно спрашивает подбежавший Жорж-Поль.

– Д-да, GP...

Какое там «да» – конечно, нет! Я и впрямь схожу с ума! Эти слова, английские слова, произнесенные малайцем... эти слова я слышала от Илиана двадцать лет назад... Его последний подарок мне.

Это мои слова. Это только мои слова!

Никто другой не может их знать!

Так где же их украл этот малаец?

\* \* \*

Жорж-Поль поддерживает меня, я едва стою на ногах. В голове звон, вспыхивают огоньки, звучит голос, идущий сверху, будто с небес. Голос ангела?

Да, ангела... имитирующего квебекский акцент.

– Привет, ребята, говорит ваш командир! Надеюсь, вы приятно провели время в полете, а теперь мы приступаем к медленному снижению для посадки в Монреале. Только не спешите кутаться, покидая самолет. Вчера на аэродроме намело снега аж на тридцать сантиметров, но сегодня он вдруг взял и растаял. Так что готовьтесь выплывать из салона брассом, а перед выходом вам раздадут акваланги и ласты, чтобы добраться до аэровокзала. Рекомендую держаться всем вместе: нам сообщили, что у трапа вас подстерегает стадо финвалов!<sup>19</sup>

---

<sup>19</sup> Финвал, или кит-полосатик, – вид плотоядных китов.

## 6 2019

Оливье никогда не робел перед мебелью. За долгие годы работы его руки научились, даже вслепую, на ощупь, распознавать все виды древесины – шершавую фактуру сосны, мягкую гладкость тополя, извилистые волокна граба, темные прожилки оливы; приручать их выступы, убирать мельчайшие колкие заусеницы, находить каждый узелок, словно родинки на женских телах, таких разных. Это он-то, который всю жизнь касался одного-единственного.

Но сейчас эти руки дрожат.

Он тянется к обыкновенному ящику. Пальцы обхватывают круглую дубовую ручку, которую он сам же и выстругал, отполировал, покрыл лаком. Ящик легко ходит взад-вперед на гладких желобках. Прекрасный образец искусства краснодеревщика. Как ему хочется, чтобы этот ящик заклинило, чтобы он оказался заколочен или просто закрыт на ключ!

Но Натали все эти годы оставляла его незапертым, доступным любому члену семьи.

Что это – свидетельство ее доверия?

Или изошренная попытка?

Оливье сует руку в ящик. В прошлый раз он на это не осмелился, выдернул руку, не схватив ни одного предмета, даже не взглянув, что там внутри. Оставил все как есть, поспешно закрыл ящик, словно оттуда мог потечь ядовитый газ без цвета и запаха, способный отравить их дом, их семью, их жизнь – все, что они построили.

Он надеется, что Натали ничего не заметила.

Но сегодня он не задвинул этот ящик.

Роемся в нем. Ищет – сам не зная что.

Он пытается убедить себя, что не делает ничего дурного, что если бы Натали хотела скрыть от него какую-то тайну, то не оставила бы все эти предметы доступными чужому взгляду. Ведь прошло уже столько времени, и она во всем ему призналась, и они оба теперь куда сильнее, чем этот древний клад поблекших воспоминаний.

Оливье не глядя хватается пригоршню предметов и, отойдя на три шага, кладет их на кровать, прежде чем сесть самому. Но сначала внимательно осматривает складки одеяла, как будто хочет их запомнить, как будто смять его – такое же кощунство, как обмануть жену.

Потом аккуратно раскладывает свою добычу, чутко прислушиваясь к звукам в доме. Марго сейчас в лицее, но она может вернуться в любую минуту. Впрочем, что тут такого? Ну застанет она отца в его же спальне сидящим на кровати. Разве она догадается, что предметы, разложенные на одеяле, это улики, доказательства измены? Разве дети способны представить себе грехи молодости своих родителей? И даже если способны, почувствуют ли они себя причастными к этой измене?

Тем не менее Оливье пинком захлопывает дверь спальни и наконец приступает к осмотру добычи.

Бумажная салфетка с логотипом *Air France*, на ней что-то записано. Ни имени, ни даты, только адрес: *улица Сент-Катрин, 87* – да крошечная птичка: черные перья, небрежно нацарапанные крылья, раздвоенный хвост.

Ласточка!

Оливье узнаёт ее. Этот силуэт – точная копия татуировки на плече Натали, которую столько раз избегали его губы, когда он целовал ее в шею, оттянув ворот блузки; как же часто ему хотелось стереть эту татуировку, вырвать зубами кусок плоти, искушать жену в кровь.

Оливье пытается отбросить свои вампирские мысли и продолжить обследование. Однако все другие предметы из ящика, хранимые женой как драгоценные реликвии, ни о чем ему не говорят.

Старая программка на сентябрь 1999 года – «Кино под звездным небом, Монреаль». Столовая салфетка с золотым логотипом отеля *Great Garuda* в Джакарте, сразу узнаваемым по свирепой орлиной голове<sup>20</sup>. Фотография какой-то очень пестрой, немного наивной картины с изображением женщины-солдата, вооруженной до зубов и размахивающей ружьем. Конверт, который Натали, вероятно, второпях разорвала, а потом склеила, да так старательно, что нетрудно прочесть несколько слов: *Это все, что мне удалось спасти. Лора очень хорошенькая. Вы тоже.*

Столько эпизодов из жизни Натали, о которых ему ничего не известно...

Целая жизнь, прожитая на других континентах. Жизнь вдалеке от дома.

Та, прошлая жизнь...

*Когда наш остров в пучину канет,  
Когда гроза нас в полете застанет,  
Когда в замке ржавый ключ застрянет  
И мы поймем, что выхода нет,  
Бесследно растает наш легкий след.*

---

<sup>20</sup> Великая Гаруда (*англ.*). На гербе Индонезии изображена мифическая золотая птица Гаруда, похожая на орла, на груди у нее щит.

## 7 1999

– Да это просто дьявольское искушение – такая вкуснотища!

Фло заглывает еще три аппетитных коричневых ломтика и швыряет пакет с остатками «Пудины»<sup>21</sup> в ближайшую урну. Потом торжествующе потрясает кулаком, словно забросила победный мяч в корзину.

– *Yes!* Десять ломтиков, и ни на один больше! И до вылета на родину – ровно пять порций водки за вечер, и ни капли больше!

Она хохочет, но тут же прикивает к витрине фастфуда на другой стороне улицы, едва не расплющив нос о стекло.

– Ох, искушение, кругом искушение! – Она скрещивает пальцы, отгоняя невидимого демона чревоугодия. – Прочь, соблазнитель! А ты могла бы и удержать меня, коварная подруга!

Я не отвечаю, мне не до того, я зачарованно люблю Старый Монреалем. Мне впервые довелось попасть в Квебек, и меня здесь восхищает абсолютно все. Акцент торговцев, уморительные песенки по радио, ощущение, будто ходишь по гигантскому кампусу, чьим обитателям не больше тридцати лет, учтивость прохожих. Весь этот декор опереточного *Far West*<sup>22</sup> – полная противоположность спагетти-вестернам, скорее уж при каждом разговоре с аборигенами чудится, будто вы попали в дом какого-то дальнего родственника, которого никогда не видели, но он принимает вас так радушно, словно знает с пеленок.

Фло провожает взглядом трех молодых канадцев в распахнутых грубых рубахах поверх футболок с принтом *Toronto Raptors*<sup>23</sup>.

– Безнадёжно! – вздыхает она. – Если я хочу найти себе парня, единственный выход – диета! Тебе-то на все плевать, у тебя и так есть два мужика... Ну-ка, давай рассказывай про своего гитариста в кепке!

Я пугливо озираюсь, как будто нас могут подслушать, как будто стоит мне что-то рассказать – и я почувствую себя виноватой. Флоранс угадывает мое смятение и затаскивает в ближайший магазин, что-то вроде супермаркета, в отдел североканадских художественных ремесел. Она жадно ждет моих признаний. Я замечаю укромный уголок недалеко от касс, возле витрины с украшениями, где не толпятся туристы.

– Да мы просто обменялись парой слов в самолете. Он симпатичный паренек, смешной такой и хорошенький. Но ты не забывай, моя милая, что я все-таки замужем. Старая жена и молодая мать.

– Знаю, знаю, замужем за Иосифом! Хотя это не помешало Марии изменить ему с ангелом небесным. Ладно, колись! Что дальше-то было?

– Дальше? Что ты имеешь в виду?

– Ну, ты с ним еще увидишься?

– Нет... Конечно, нет.

Фло зажимает двумя пальцами, большим и указательным, свой нос и делает вид, что вытягивает его.

– Ты хоть мне-то не морочь голову, подружка, ты ведь совсем врать не умеешь! Придется устроить тебе стажировку по облапошиванию мужей, перед тем как ты вернешься и обнимешь своего Джепетто в его столярке.

---

<sup>21</sup> Искаж.: «пудинг», картофель фри с тертым сыром и пикантным соусом.

<sup>22</sup> Дикий Запад (англ.).

<sup>23</sup> «Торонто Рэпторс» (англ.) – профессиональный баскетбольный клуб Торонто (Канада).

Я отвожу взгляд, смущенная не столько напором Фло, сколько пронзительным взглядом продавщицы за кассой. Это женщина с черными как смоль волосами и красновато-смуглым лицом, наряженная эскимоской. Хотя... может, и не наряженная, а настоящая эскимоска. Застывшая, точно статуя, на льдине в ожидании собачьей упряжки.

– Ну... если хочешь знать, он пригласил меня на концерт «Кью». Обещал провести через служебный вход... И назначил встречу в баре около «Метрополиса», за час до начала.

Фло так потрясена, что на миг теряет дар речи.

– Ах ты негодяйка! Значит, ты единственная из нас, кто увидит задницу Роберта! Так он тебе нравится, твой Эрик Клэптон в кепке?

– Да он всего лишь *roadie*<sup>24</sup>, понятно?

– Ты не ответила! Он тебе нравится?

– Он... ну, не могу сказать, что нет... Знаешь, он очень похож на Оливье.

– На твоего Джемметто?!

– Ну да, на Оливье... моего мужа!

– Только чуть красивее?

– Не сказала бы.

– И капельку пободрее?

– Оливье вовсе не дряхлый старик!

– Тогда чем этот лучше?

Я могла бы ответить: «Ничем. Этот парень ничем не лучше Оливье, и я его совсем не знаю. Первый встречный. Улыбка, несколько слов, вот и все, просто симпатичный пассажир». Да, я должна была ответить Фло именно так, но мешает инуитка за моей спиной. Одно ее присутствие как будто вынуждает говорить правду:

– Чем он лучше? Прекрасным безрассудством.

Фло сверлит меня взглядом, почти таким же пронизывающим, как взгляд неподвижной эскимоски. Потом одним взмахом отбрасывает прочь «ловушки для мечты»<sup>25</sup>, висящие у нас над головами, и, нахмурившись, спрашивает:

– Ты любишь мужа?

– Да! – говорю я не колеблясь.

Но Фло реагирует так же мгновенно:

– Тогда вперед!

– Вперед... куда?

– Куда, куда... Вперед – на свидание! Вперед – в этот бар! Вперед – на концерт!

– Ты с ума сошла!

Неподалеку по отделу бродит французская супружеская пара; я их узнаю, они летели нашим самолетом. Фло вталкивает меня в закуток у кассы.

– Вперед, я тебе говорю! Он ведь похож на твоего Оливье, только чуть получше? Вот и изучи его как следует. Убеди себя, что это хороший способ улучшить качество супруга. Добавить ему того, чего пока не хватает вашему браку. Усовершенствовать его. А главное, пойми, что на этом свидании большая опасность грозит вовсе не тебе.

– Почему?

Фло закатывает глаза к потолку, обитому бизоньими шкурами.

– Посмотри на себя в зеркало, Натали! Ты же красавица. Воплощенная улыбка, воплощенная романтика. Ты аппетитна, как ломтики «Пудины» под коричневым соусом... нет, даже больше! И не бойся ничего, ты победишь. Заставишь его потерять голову – своего Джимми Хендрикса в кепке!

---

<sup>24</sup> *Roadie* (англ.) – технический или вспомогательный персонал, путешествующий вместе с исполнителями на гастролях.

<sup>25</sup> Различные мелкие сувениры, как правило полые, – корзиночки, флаконы, кошельки и т. д.

Я спиной чувствую взгляд инуитки, сидящей за кассой. Он холоден, как сталактит, он вонзается в мое пылающее сердце, как ледяной кинжал. Может, я именно этого и жду – в глубине души. Пусть оно заледенеет, пусть перестанет биться или хотя бы замедлит ритм, пусть разум победит чувства. Увы, до победы еще далеко, а Фло твердо стоит на своем:

– Только не вздумай разыгрывать из себя жертву судьбы! У тебя есть муж, который растит вашу дочку, пока ты развлекаешься, летая по всему свету. У тебя есть близкая подруга – самая отвязная из всех холостячек. У тебя есть почти любовник... И в довершение всего, ты сегодня попадешь на концерт, о котором мечтают все девушки, которым было двадцать... десять лет назад.

Я делаю последнюю отчаянную попытку:

– Слушай, пойдь туда вместо меня, если уж тебе так хочется!

– Ну ты и дуручка! Это ведь твоя судьба – не моя.

Я хватаю Фло за руку. Я пытаюсь убедить себя, что эта встреча в баре ни к чему меня не обязывает.

– Знаешь, мне как-то страшно...

– Тогда точно надо идти!

Мы уже собираемся выйти, как вдруг меня окликают. Откуда-то сзади.

– Мадемуазель...

Я почему-то сразу понимаю, что женщина за кассой обращается именно ко мне. Оборачиваюсь. Инуитка держит в руке маленький серый камешек размером с перепелиное яйцо.

– Возьмите, мадемуазель. Это камень времени.

Флоранс молча стоит поодаль. Я правильно догадалась – продавщица обращается именно ко мне.

– Не бойтесь, берите.

И она роняет камешек в мою ладонь.

Самый обычный камешек, красивый, гладкий. Но ничем не примечательный. Я пытаюсь вернуть его инуитке, но она качает головой:

– Знаете ли вы, мадемуазель, что такое камень времени? – Она замолкает на несколько секунд, давая мне время подумать, потом объясняет: – Время, мадемуазель, это длинная река. Она никогда не останавливается. И всегда течет в одну сторону. Однако невозможно определить, с какой скоростью продвигается каждая ее капля. Они ведь все похожи одна на другую, верно? Так как же узнать, какая спешит, какая медлит в пути, а какая вообще останавливается, уступая дорогу всем прочим?..

Я слушаю – мне стало интересно. Ее речь похожа на заклинание, на внушение гипнотизера, хотя мне совершенно ни к чему покупать этот «волшебный» камень, который она пытается мне всучить.

– Однако, мадемуазель, есть один способ справиться с теми капельками, которые остановили свой бег. И некоторые эскимосы умеют распознавать их, эти капельки вечности, которые пропускают мимо себя реку. Они оставляют свои следы на камнях, лежащих на речном дне. Для тех, кто не умеет смотреть, эти камни невидимы, но наши шаманы проводят целые дни, глядя на бегущую реку, пока не выловят наконец один такой камешек. – И она почти насильно всовывает камешек мне в руку: – Вот этот будет для вас.

Я слышу сзади приглушенное насмешливое фырканье Флоранс.

– А для чего они – эти волшебные камешки?

– Для того, чтобы вернуться вспять во времени, – серьезно отвечает инуитка. – В тот день, когда вам это понадобится. В тот день, когда вы этого захотите всерьез.

На сей раз Флоранс хохочет, не скрываясь:

– Прямо как в «Назад в будущее»?

Я вдруг начинаю злиться на Фло – зачем она нарушила очарование? Мне нравится поэтический рассказ этой женщины, даже если цель его – всего лишь развести туриста на пару канадских долларов.

– Нет, – улыбается продавщица. – Эти камни не позволяют возвращаться в прошлое и уж тем более изменять его. Они только помогают вновь пережить некоторые короткие минуты, вернее даже мгновения, ушедшего времени. Как я уже сказала, время течет, подобно реке, всегда в одну сторону, никогда не останавливаясь. Но несколько капель – всего несколько! – возникших из прошлого, могут изменить течение всей жизни.

Я разжимаю кулак:

– Спасибо за эту прекрасную историю, но я возвращаю вам камень. Для меня это... слишком... гм... ценная вещь.

Инуитка пристально смотрит мне в глаза:

– Нет, он ваш, мадемуазель.

Чувствую, что мне от нее так просто, без денег, не отделаться, и с улыбкой продолжаю:

– Меня это не интересует. Я еще молода, чтобы думать о прошлом.

– Нет, возьмите, прошу вас, возьмите его.

И она опять смыкает мои пальцы на камне времени. Я начинаю заводиться. А спиной чувствую, как нервничает Флоранс.

– Простите, ради бога, но я не хочу его покупать, сколько бы он ни стоил.

– Это подарок, – мягко объясняет продавщица.

Я застываю со сжатым кулаком.

– Но ведь вы сами сказали, что такие камни – редкость. Единственные в своем роде, ценные, за ними охотятся. Так почему же вы дарите его незнакомке?

Женщина пристально смотрит мне в глаза. Я знаю, что это просто коммерческий трюк – всучить даром какой-нибудь булыжник наивной туристке и завоевать ее доверие, чтобы она вернулась сюда и купила другую безделушку.

– Потому что вы влюблены, мадемуазель, – отвечает инуитка. – А любовь недолговечна, любовь хрупка, словно жемчужное ожерелье. И мой камень времени позволит вам сохранить самые красивые его жемчужины. Навсегда.

## 8 2019

– Ну попробуй, прошу тебя!

Фло уписывает свою «Пудину» за обе щеки. А я и забыла про эту кошмарную квебекскую закуску, липкую смесь жареной картошки, свежего чеддера и густого коричневого соуса, которой тут все питаются. Мы с Фло идем по улице Сен-Поль в старой части Монреаля. Присутствие жизнерадостной подруги хоть немного отвлекает меня от гнетущих мыслей о таинственном потоке совпадений. Я не хочу и не буду затевать с Фло игру в сходные обстоятельства, на этой самой улице, двадцатью годами раньше.

Достаю кончиками пальцев жирный ломтик из пакета. Фло со смехом запускает туда руку и вытаскивает полную горсть. За эти двадцать лет она слегка располнела, но это ей даже идет. Бедра стали пошире, ягодицы чуть плотнее, грудь чуть пышней... Моя белокурая подружка выглядит аппетитной, как пирожное с переизбытком крема-шантийи. Мне кажется, большинство здешних гурманов это оценили. Но когда я вижу, что и сколько Фло ест и пьет на каждой стоянке, хоть убей, не понимаю, как она до сих пор не заплыла жиром! Впрочем, у нее есть объяснение, она утверждает, что дома, между двумя рейсами, живет на салатах и простой воде. Она даже придумала красивый термин – биполярное питание. Впрочем, Фло биполярна и во всем остальном. Она стала идеальной супругой, разумной и хозяйственной, вылизывает до блеска свою квартиру на авеню Иены, а оказавшись в воздухе, тут же пускается во все тяжкие. Для такого образа жизни она подобрала себе идеального мужа – богатого, видного и покладистого, давно примирившегося с двойной ипостасью своей *Wonder Woman*<sup>26</sup> – кроткой как овечка в супружеском гнездышке и демонстрирующей магические свойства только у него за спиной. Значит, в природе существуют мужья, которые любят своих жен, но не держат их на коротком поводке? И Фло такого нашла! Прими это к сведению, мой Оливье!

– Вау! Я хочу его! – снова кричит Фло.

Она застряла перед витриной *Foiegwa* – ресторана, где продают гамбургеры высокие, как небоскребы; потом обходит с десяток других рассадников обжорства и наконец останавливается перед кондитерской «Мельницы Лафайета». Я обожаю гулять по улочкам Старого Монреаля. Мне всегда казался сказочным этот тесный кварталчик, выстроенный у реки, с его булыжными мостовыми, лавками в низких кирпичных или каменных домиках, с эркерами и окнами в красных ставнях, с лилиями на ярко-синих флагах, – такой старозаветный, словно трапперы по-прежнему приплывают сюда по реке Святого Лаврентия в пирогах, чтобы закупить провиант или продать меха. Остальной город рос ввысь или углублялся под землю и в конечном счете стал современным конгломератом из стали, бетона и стекла. Но Старый Монреаль устоял, прогрессу так и не удалось полностью исковеркать его прежний облик, жизненный уклад. Особенно это заметно, когда лето затягивается до конца сентября и толпы туристов из Северной Америки могут наслаждаться путешествиями в прошлое, не пересекая для этого Атлантику.

Фло любит свое отражение в витрине огромного магазина традиционных инуитских ремесленных изделий.

– Тут ничего не изменилось с 1999-го, – констатирует она. – Даже мы! – И тащит меня к стеклу, заставляя смотреть на наши отражения. – Хотя нет, ты изменилась, детка! Только не за двадцать лет, а за три последних часа!

Видя, что я никак не реагирую, Фло хватается за мою руку и ведет в магазин.

---

<sup>26</sup> Чудо-женщина (англ.) – героиня популярного комикса.

– Теперь, когда я переварила твою безумную историю, давай все спокойно обсудим.

Три часа назад, выйдя из самолета и томясь в очереди на таможенный досмотр, я не выдержала и рассказала Фло про фантастическую череду совпадений, которые обрушились на меня с момента приезда в Руасси. Она внимательно выслушала и молчала всю дорогу до отеля, пока все мы – Жан-Макс, Шарлотта, Жорж-Поль, Эмманюэль и я – договаривались о встрече, чтобы выпить где-нибудь вместе. А до тех пор мы были свободны. Я твердо вознамерилась просидеть у себя в номере до назначенного часа, но Фло чуть ли не насильно вытащила меня из отеля, чтобы погулять по Старому Монреалю и прошвырнуться по магазинам, как здесь выражаются. Я едва успела принять душ и развесить в шкафу наши рабочие костюмы.

И вот мы с Фло торчим у прилавка с деревянными фигурками бизонов, рысей, олень-карибу и бобров. Моя подруга пристально смотрит мне в глаза, перед тем как заговорить:

– Знаешь, старушка, я поразмыслила над историей с призраками прошлого, которые не дают тебе покоя... И вижу только четыре объяснения.

Целых четыре? Молодец Фло! У меня вот не нашлось ни одного...

– Не стану долго тебя морочить, первое состоит в том, что все это – случайность в чистом виде.

Я беру в руки фигурку рыжей белки, не скрывая своего разочарования.

– И это ты называешь объяснением?

– Не спеши возражать, сейчас объясню. Знаешь такую теорию: совпадений не существует, они – порождение нашего разума? В течение одного дня мы видим, слышим и ловим миллионы единиц информации. Но наш мозг удерживает лишь некоторые из них и самостоятельно соединяет одни с другими. И если ты ищешь совпадения, то без труда их найдешь. Вот тебе пример: ты порвала отношения со своим дружкой, который... ну, скажем, бразилец; так вот, ты сразу заметишь, что с тобой непрерывно говорят о Бразилии. А до знакомства с этим парнем ты ничего подобного не замечала. Человек видит знаки, которые хочет видеть, даже бессознательно. Особенно ты!

– Почему это?

Фло усмехается:

– Ты разве не знаешь, что говорят о женщинах по имени Натали? Они склонны к ностальгии! В твоей жизни за последнее время не случилось ничего такого, что заставило бы тебя вспомнить твоего гитариста?

Я думаю о спальне, приоткрытом ящике, камешке на полу. Об увиденном неделю назад графике рейсов: *Монреаль – Лос-Анджелес – Джакарта*. Ставлю на место деревянную белку. Нет, я уверена, что не ошиблась. Доводы Фло меня не убедили.

– Не хочу тебя разочаровывать, Доктор Пси, но я вспоминаю о моем гитаристе не потому, что меня донимают воспоминания о нашей истории. Совсем наоборот, дорогая, именно эти совпадения заставили меня вспомнить о нем. И я их не выбирала, они пришли извне. Например, график полетов!

Разговаривая, мы бродим по магазину и останавливаемся перед продуктовым отделом, где полки заставлены бутылками самых разнообразных форм с канадским кленовым сиропом и виски.

– Окей, упрямыца, пусть будет так, – соглашается Фло. – Тогда переходим ко второму объяснению. Ты стала жертвой чьего-то преступного умысла!

И она смотрит на меня со зловещим прищуром заговорщицы. Фло рассказывала мне, что в свободные дни, сидя в своей квартире в Шестнадцатом округе, она с утра до вечера глотает детективы, расположившись на балконе. Правда, в полете или на пересадках я никогда не видела ее читающей. Но это неважно, такая гипотеза мне небезынтересна.

– Ну-ка, объясни!

– Дело в том, что я прочитала массу историй, где у героини начинается паранойя, потому что какой-то тип манипулирует ею незаметно для нее самой. Например, крадет ключи, узнает номер кредитной карты, посещает ее друзей, изменив внешность. Короче, доводит до сумасшествия, и она в конце концов действительно сходит с ума.

– Вот это уже лучше!

Фло притворяется, будто ее интересует ряд бутылок *Maple Joe*<sup>27</sup>, отливающих всеми оттенками медно-желтых осенних листьев.

– Прекрасно, мисс Марпл, но если это так, значит, злодей, желающий свести меня с ума коварными совпадениями, способен изменить мой график полетов, собрать вместе нужных членов экипажа, по крайней мере тебя и Жан-Макса, и – самое главное – заманить в самолет Роберта Смита и всю его группу, устроив им выступление в монреальском «Метрополисе»! А вдобавок посадить туда же малайского пассажира, чтобы он напел своей жене, аккуратно в тот момент, когда я пройду мимо, прощальные слова моего гитариста, которые знали только мы двое. – Я делаю эффектную паузу. – Ну и в довершение всего этому гениальному шутнику удастся запрограммировать на канале *Nostalgie* песню *Let It Be*, причем именно в тот момент, когда я включу радио у себя в машине.

Фло озабоченно хмурится.

– Ты мне не рассказывала историю с песней.

– Это было... Ну, в общем, об этом знали только мы двое, он и я... Больно вспоминать...

Фло тащит меня дальше, и мы оказываемся под свисающими с потолка «ловушками для мечты», украшенными перьями и бусинками всех цветов и размеров. У меня кружится голова от их дурманящих запахов.

– Окей, моя красавица, – продолжает Фло, – раз так, слушай третье объяснение. Но предупреждаю: оно тебе понравится еще меньше. Ты готова?

– Давай выкладывай.

– Ты все выдумала!

– Что-о-о?

И я чихаю – не то от крепких запахов, не то от перьев «ловушки», висящей у меня над головой, не то от заявления Фло.

– Ты просто бредишь, старушка! – уточняет моя подруга. – В машине ты задумалась, и эта песня по радио тебе просто померещилась... Как и бормотание того малайца в самолете...

– Прекрасно, ну а график полетов? А ты, я и Жан-Макс в одном самолете? А «Кью»?

– Ну и что это доказывает? За последние двадцать лет мы не раз летали вместе, разве нет? И твоя любовная история... да ты ее просто выдумала. Или она тебе привиделась во сне... И она, и все, что с ней связано. Между вами никогда ничего не было, ты все это нафантазировала. Может, и твой гитарист никогда не существовал...

– Черт подери, Фло, я же тебе его показывала в 1999 году в самолете Париж – Монреаль! Паренек в клетчатой кепке, 18-й ряд, место D! Мы с тобой часами обсуждали его здесь, на улице Сен-Поль, а потом в этом же самом магазине. Так что ты тоже участвовала в нашей истории, вспомни, что ты мне тогда сказала...

И я снова чихаю. Фло смотрит мне в глаза и говорит, неожиданно серьезно:

– Нати, двадцать лет назад ты показала мне в самолете одного парня. Потом рассказывала о нем все то время, что мы провели в Монреале. Но я *никогда* не видела вас вместе!

– Ну если так рассуждать, я тоже *никогда* не видела твоего мужа.

– А я уже сто лет как не видела твоего краснодеревщика... Но ты зря обижаешься, я просто подыскиваю разумные объяснения.

---

<sup>27</sup> Марка канадского кленового сиропа.

Я действительно обижена. Шагаю вперед и задеваю головой очередную «ловушку», которая толкает другую, а та – следующую. Все они раскачиваются надо мной, шелестя перьями.

– Ладно, забудем. Переходи к четвертому.

– А ты готова слушать?

– Неужели оно еще страшнее?

– Идем! – И Фло тащит меня в отдел сувениров. Я рассматриваю серебряные ожерелья, медвежьи клыки, оленьи рога. – Четвертое объяснение – магия!

На сей раз я не реагирую, но Фло гнет свою линию:

– Все иррациональное можно объяснить только иррациональными причинами. Мир полон суеверий и чудес. – И Фло запускает руку в ивовую корзиночку с серыми бусинками: – Вспомни о волшебном камне времени!

– Ты не забыла?

– Я никогда ничего не забываю, Нати.

Я инстинктивно смотрю в сторону кассы. Туристы-азиаты примеряют меховые шапки и меховые шубы. Пожилая пара беседует по-английски с молоденькой продавщицей. Старая женщина за кассой сидит неподвижно, обводя взглядом весь отдел. Лицо замкнутое, руки скрещены на груди. У нее красновато-смуглая кожа аборигенов Северной Канады. На ней традиционная парка, расшитая стеклянными бусинками, две длинные полуседые косы намотаны на тонкие белые косточки. Можно подумать, она специально вырядилась так для туристов, которых хлебом не корми, а подай «типичный эскимосский стиль». Но я знаю, что это не так.

Я ее узнала.

И, как это ни удивительно, она, кажется, тоже меня вспомнила.

Слабеют ноги, в лицо ударяет жар. Стараясь побороть головокружение, я судорожно сжимаю камешек в кармане джинсов. Тот самый, что выпал из ящичка с моими тайнами на паркет спальни.

Фло, стоящая рядом со мной, мгновенно умолкает, словно почуяла кого-то позади нас – кого-то, кто за нами следит.

Чье-то враждебное присутствие чувствую и я.

Камешек жжет мне ногу сквозь плотную ткань. Как будто его волшебные свойства внезапно проснулись.

Здесь все, как было *тогда*. Те же декорации, те же актеры, тот же сценарий, что двадцать лет назад. Я снова вижу всю эту сцену.

Как если бы пугающая череда совпадений была всего лишь предзнаменованием невероятной истины, а теперь передо мной распахнулась дверь в прошлое.

## 9 1999

Я почти бегом покинула магазин инуитских сувениров, спрятала камешек в карман джинсов под насмешливым взглядом Флоранс, устремилась в магазин напротив, где продавались более традиционные сувениры – флаги с кленовым листом, хоккейные майки и шорты, плюшевые олени. Через несколько минут я стала счастливой обладательницей стеклянного шарика, в котором миниатюрный снежный буран взвивался над замком Фронтенак<sup>28</sup>. С точки зрения метеорологии и здравого смысла это выглядело реалистичнее снега над египетскими пирамидами или над Сахарной Головой<sup>29</sup>. Теперь этот квебекский шарик пополнит мою огромную коллекцию на полке книжного шкафа в гостиной в Порт-Жуа, отныне принадлежащую Лоре. Стоит ее отцу отвернуться, и маленькая проказница бежит к шкафу, снимает с полок один шар за другим – которые ее мама привезла со всех концов света – и встряхивает, любуясь тем, как красиво вьются снежинки над самыми известными достопримечательностями мира.

Я собираюсь похвастаться своим сокровищем перед Флоранс, но испуганно замираю, едва не поскользнувшись на обледенелой мостовой улицы Сен-Поль. На противоположном тротуаре вижу нашего командира. Жан-Макс Баллен выходит из сувенирной лавки, держа за руку хорошенькую, совсем юную девушку в форме ученицы коллеги: галстучек, расстегнутый ворот шелковой блузки, короткая юбка-килт и длинные гольфы; следом за ними идет какой-то тип, высоченный, пузатый и далеко не такой сексапильный, как Жан-Макс, – похоже, отец девушки. Трудно сказать, видели ли они меня и Фло. Все трое сворачивают на улицу Бонсекур.

– Думаешь, он нас заметил? – спрашивает Фло.

Я боюсь, что все гораздо серьезнее:

– Неужели он за нами шпионит?

Этот человек и девушка в килте... видела ли я их в самолете? Нет, их точно там не было. Малышка – без сомнения, новая пассия нашего командира... Но что за тип их сопровождает? Он похож на телохранителя крестного отца мафии.

– Считаешь, он мог испугаться, что его засекли с этой крошкой? – спрашивает Фло.

– С чего бы вдруг? Плевать он хотел на чужое мнение. Ему сорок лет, он холостяк, девушка наверняка совершеннолетняя. Он следует традиции моряков в версии «седьмое небо»: в каждом порту по женщине. Ну и пусть резвится, пока может, ему недолго осталось гулять, нашему красавчику.

Я всегда питала слабость к командиру Баллену – не потому что он нравился мне как мужчина (после того эпизода в Токио я старалась держаться от него подальше), просто приятно было смотреть, как Жан-Макс наслаждается свободой.

– А он не стесняется, – замечает Фло. – Ты ему не слишком-то доверяй, я всегда считала его коварным соблазнителем. Как, впрочем, и всех остальных мужиков. В том числе твоего краснодеревщика, слишком уж он безупречен, даже подозрительно. Ну ладно... давай лети, моя ласточка, к своему гитаристу!

\* \* \*

Бегу со всех ног до улицы Блэри, а оттуда, задыхаясь, быстрым шагом иду к началу улицы Сент-Катрин, отыскивая взглядом «Фуф». В нескольких метрах огромная вывеска «МЕТРО-

<sup>28</sup> Фронтенак – крепость, которая господствовала над Квебеком с 1892 г. Ныне превращена в фешенебельный отель.

<sup>29</sup> Остроконечная гора в Бразилии, на одном из островов архипелага Ле-Сент.

ПОЛИС». Я боялась опоздать, но нет – у меня еще пара минут в запасе. Открыв дверь бара, застываю от изумления перед фантастическим интерьером. Это не бар, а заколдованный замок!

Название «Фуф» – сокращение от *Foufounes Electriques*<sup>30</sup>. Над входной дверью висит гигантский паук, а рядом парочка таких же гигантских блеклых черепов. Интерьер соответствующий: кирпичные стены в черно-белых граффити, отрубленные головы, свет то кроваво-красный, то трупно-зеленый; с наступлением ночи он наверняка будет меняться от «флюо-диско» к «флэш-зомби» и обратно.

Но пока бар почти пуст, и моего гитариста здесь тоже нет. Официант, чей банальный вид оскорбляет крутизну интерьера, встречает меня широкой улыбкой и предлагает сесть за любой столик. Они тоже на удивление банальны, самые обычные столики с деревянными столешницами, возле каждого разнокалиберные стулья с пластиковыми сиденьями.

Я устраиваюсь поближе к двери, чтобы мой гитарист не проглядел меня. Сажусь и невольно усмехаюсь: столик-то колченогий! Терпеть не могу шатких столов, и тем не менее, когда прихожу в ресторан или кафе, мне обязательно попадается именно такой. Это мое персональное проклятие!

Поэтому я и не могу решиться пересесть. На три десятка здешних столов уж точно найдется один, прочно стоящий на четырех ножках. Поискать, что ли? Это отвлечет меня от других мыслей. От того, что я делаю. От Оливье. От Лоры. А если не найдется устойчивый, сбегу отсюда... Кстати, почему бы мне с этого не начать – сделать ноги?! Что я тут забыла? Жду незнакомого парня под этими кошмарными гигантскими масками, развешенными по стенам, в этом безумном интерьере для непоповозрелых панков... Констатирую очевидную истину: я совершаю самую страшную глупость в своей жизни! Единственно верное решение – бежать, причем немедленно! Я поднимаюсь...

– А, вы уже здесь?

Передо мной стоит мой гитарист, тоже запыхавшийся. Кепка набекрень, шарф перекручен, взгляд жалобный, но улыбка куда шире, чем оскал всех этих зомби на стенах, даром что они в десять раз больше его самого...

---

<sup>30</sup> Электрические вагины (*фр., жарг.*).

## 10 2019

Жгучая боль в плече вырывает меня из задумчивости. Это Фло меня ущипнула, вот поганка! А я так углубилась в воспоминания о самом неожиданном свидании в жизни. В первый акт того длинного вечера, который...

– Не оборачивайся! – шепчет Фло.

Запутавшись между настоящим и прошлым, я не сразу понимаю, чего она хочет. Инстинктивно сжимаю камешек в кармане джинсов. Мой камень времени! Неужели я перенеслась в тот же самый магазин, в прошлое, на двадцать лет назад?

Нет, я в 2019 году!

Магазин художественных ремесел превратился в супермаркет сувениров с кучей камер наблюдения, таинственная инуитка за кассой стала седой старухой, а моя белокурая пухленькая подружка – пятидесятилетней дамой, толстенькой обжорой... И у меня не свидание, от предвкушения которого сердце колотится как сумасшедшее, а всего лишь выпивончик с коллегами, который состоится через несколько минут.

– Иди вперед, постарайся, чтобы он нас не заметил, – шепчет мне Фло. И подталкивает меня к выходу.

– Кто «он»?

Но тут замечаю «его», от изумления чуть не опрокинув прилавок с плетеными корзинками. Пальцы сами собой опять касаются камешка в кармане. Наш командир Жан-Макс Баллен в магазине, в трех отделах от нас! Неужели и впрямь следит?! Нет, похоже, он нас не замечает. Стоит в отделе алкогольных напитков и разговаривает с двумя мужчинами, явно чем-то взволнованными. У обоих кожаные куртки, линялые джинсы, густые бороды. Типичные дилеры из квартала Ошлага-Мэзоннёв<sup>31</sup>, чей облик никак не сочетается с безупречным, от Ральфа Лорена, костюмом нашего командира.

Я вижу, как один из типов отталкивает руку Боллена с пачкой канадских долларов.

– Сваливаем, живо! – шепчет Фло.

Мы останавливаемся только на улице Сен-Поль, в толпе прохожих. Я смотрю на подругу:

– Думаешь, он за нами шпионит?

Фло еще не отдышалась. Она сильно взволнована, но через силу улыбается, а мне кажется, она от меня что-то скрывает.словно в четко разработанном плане произошел сбой и ей приходится импровизировать на ходу.

– Странно, правда? – говорю я, стараясь побороть глупые подозрения. – Баллен оказался в одном магазине с нами – в точности как двадцать лет назад!

Фло явно радуется спасительной подсказке, которую я ей подбросила. Начинает объясняться, но очень уж неуклюже. А я продолжаю думать, что за ее лепетом стоит кое-что посерьезнее.

– Вот видишь, дорогая, все в точности так, как я тебе и говорила. Мы чисто случайно очутились в том же магазине, что и двадцать лет назад, а тебе мерещится странное совпадение! – Фло умолкает, раздумывает и, кажется, приходит в себя. – А может, командир нас попросту клеит, потому что считает красотками?!

Я смотрю на нее в упор:

– Мы ими были... в прошлом тысячелетии. Вынуждена тебя разочаровать, моя милая, нам нечего опасаться с этой стороны. Жан-Макс наверняка ищет кого-нибудь посвежее.

---

<sup>31</sup> Рабочий район в Монреале, расположенный в восточной части города.

И тут я невольно вспоминаю малышку Шарлотту. Она примерно одних лет с девочкой в килте и гольфах, спутницей Баллена в 1999 году. С той лишь разницей, что тогда ему было сорок, а не шестьдесят, и сегодняшние пассии выглядят уже не дочками, а внучками нашего командира. Фло снова оглядывается на магазин и вдруг начинает меня торопить:

– Пошли отсюда скорее! Пора выпить за наше увядание вместе с Жорж-Подем, Эмманюэль и остальными.

– А где у нас встреча?

Фло еще не успела ответить, а я уже знаю *где*.

*В баре «Фуф»!*

Ну конечно.

А главное, Фло больше не пытается убедить меня, что это простое совпадение!

\* \* \*

«Фуф» совсем не изменился. Я вижу старых знакомых – паука, парочку черепов, таких же блеклых, и маски зомби, все с тем же оскалом. Наша маленькая компания ждет нас за одним из столиков бара – Сестра Эмманюэль с чашкой чая, Жорж-Поль с кружкой пива, а Шарлотта с грейпфрутовым соком, который тянет через соломинку. Справа от нее свободное место.

Мы с Фло занимаем соседний столик, чтобы сидеть поближе к ним. Моя стажерка оберегает незанятый стул, положив на него сумочку от *Desigual*. Она приветствует нас очаровательной улыбкой:

– Жан-Макс остался в отеле, отдохнуть. Он скоро будет.

Бедная малышка, угораздило же ее влюбиться в невидимого мужчину!

Мы с Фло заказываем «Золотой Бореаль», как наш GPS. Кажется, мы отстали от него на целых два бокала. У Жорж-Поля репутация усердного работника на борту самолета и отвязного гуляки на стоянках. Мне кажется, сейчас наш легендарный GPS не способен найти даже дорогу к туалету «Фуфа», совсем уж оригинально оформленному.

– У некоторых сиеста в отеле? – лицемерно удивляется Жорж-Поль. – Наш командир времени зря не теряет, как я погляжу!

Я вспоминаю, что мне одной известна тайна Шарлотты, а моя юная протезе наверняка не слышала о репутации своего возлюбленного. Скрещиваю пальцы: пусть бы коллеги держали язык за зубами. Опираюсь локтями на стол и вздрагиваю: он шатается!

– Что ты имеешь в виду? – простодушно спрашивает Шарлотта, потягивая сок через соломинку. – Почему он не теряет времени зря?

Сестра Эмманюэль опускает глаза, Фло с интересом изучает потолок. Жорж-Поль плотоядно слизывает с губ пивную пену.

– Ну, у нас такой исполнительный командир, что иногда он проводит в постели все время стоянки. Большой профессионал наш командир Балчлен.

*Ой...*

Это любимая шуточка всего нашего персонала, и Жорж-Поль не лишает себя удовольствия опробовать ее на новенькой. Та хмурит очаровательные бровки, делает еще глоток сока и бросается в атаку:

– Почему ты зовешь его Балчлен? Его фамилия Баллен!

GPS ликует. Сестра Эмманюэль испускает тяжкий вздох: она знает продолжение. Фло явно злится.

– Какая разница, Баллен или Балчлен, называй как тебе угодно... Можешь даже величать его Блядленом, если хочешь...

Красивые глаза Шарлотты затуманиваются, она все еще не поняла. А стол чуть не опрокидывается у меня под локтями, пиво в бокале ходит ходуном. Жорж-Поль осушает свой одним глотком и выдает последний шедевр:

– Жан-Балчлен-Макс! – И, расхохотавшись, продолжает: – Стюард, который придумал эту шуточку, просто гений! Интересно, когда папа и мама Баллены окрестили своего сына Жан-Максом, предвидели ли они, что их сын станет самым великим ходяком в мире? – И хохочет уже во все горло.

Сестра Эмманюэль невольно улыбается. А Фло, которая вообще-то вполне способна оценить соленую шутку, кажется, не очень-то одобряет конкретно эту. Правда, она, как и я, слышала ее уже сто раз. С бесконечными вариациями. Но Шарлотта слышит ее впервые. Она машинально поглаживает сиденье свободного стула справа от себя, потом, резко отодвинувшись, толкает наш колченогий столик; мой «Золотой Бореаль» выплескивается и стекает на пол.

– Ой, извините... – лепечет бедняжка.

Сестра Эмманюэль бросается вытирать лужу бумажными салфетками. Она всегда готова прийти на выручку. Потом дует на свой чай и, кашлянув, просит нашего внимания. Странно – участие в общем разговоре не в ее привычках.

– Кем бы он ни был, Балленом, Балчленом или кем-то еще, ему уже недолго осталось летать, и не только потому, что пенсия на носу.

Эмманюэль словно бросила на стол разом все козырные карты. И теперь сидит с мрачной миной, под стать окружающим. Даже у зомби на стенах бара не такие перекошенные физиономии, как у нас. Все молча ждут продолжения.

– Ну давай уже, рожай поскорей! – нервно восклицает Фло. – Выкладывай, что там у тебя!

Прежде чем ответить, Эмманюэль отпивает глоток чая.

– Ему грозит серьезное взыскание. Еще один-два рейса – и кончено дело!

Я сижу разинув рот, как Фло и Жорж-Поль. Сестра Эмманюэль – последний человек из нашего персонала, который стал бы подсаживать коллег. Она, конечно, зануда, педант и вообще вредная баба, но при всем том в высшей степени порядочный человек.

– Господи боже, что он натворил? – восклицает Жорж-Поль.

Сестра Эмманюэль загадочно молчит. Шарлотта так судорожно стискивает пальцами спинку пустого стула, что на пластике остаются царапины от ногтей. А я размышляю над этой загадкой. Жан-Макс Баллен – пилот с тридцатипятилетним стажем и безупречной профессиональной репутацией, почти идеальный работник, и придраться к нему можно, только если он совершил какую-то капитальную глупость.

Жорж-Поль начинает выдвигать гипотезы:

– Неужели перевозил наркоту? Или, хуже того, фермерский маруаль<sup>32</sup> для своих пассий? Но это никого не смешит.

– А может, он растратил казенные деньги? – продолжает Жорж-Поль.

Сестра Эмманюэль упорно молчит. Фло опирается на край стола, спровоцировав очередной пивной выплеск, который уже не сдержать размокшими салфетками.

– Если никто не в курсе, – раздраженно говорит она, – откуда же ты знаешь, что ему грозит взыскание?

Сестра Эмманюэль стойко выдерживает взгляд Флоранс и отвечает тоном старшей стюардессы, которым обычно требует безупречной работы от своих подчиненных:

– Знаю, потому что это я его разоблачила!

---

<sup>32</sup> Маруаль – один из самых изысканных сыров севера Франции, обладает весьма специфичным и очень стойким запахом – гнилостного брожения.

Все застывают. Один только стол продолжает качаться. Совпадение, Флоранс, я знаю, что это совпадение. И потому предоставляю своим коллегам засыпать Сестру Эмманюэль дурацкими вопросами: *Что ты видела? Что Баллен натворил?* А сама тем временем сосредоточиваюсь на своем наваждении – на этом столе, который все качается и качается, заливая мерзким пивом мои колени. Так сколько же колченогих столов приходится на те тридцать, что расставлены в баре «Фуф»? Неужели все такие? Или только один мой? Небось хозяева тратят бешеные деньги на поддержание этого панк-рокового декора, так почему бы им не починить единственный стол, качающийся с 1999 года?!

Жаль, что не могу еще сильнее стиснуть лежащий в кармане талисман времени. Обстановка внезапно накаляется до предела. Как будто все эти зомби, волки-оборотни и прочие чудовищные мутанты одержали верх над людьми. Поднимаю глаза, смотрю на них. Подумать только, все эти страшилища были свидетелями самой прекрасной встречи в моей жизни! Здесь, в этом баре! Двадцать лет назад!

Погрузившись в воспоминания, я не сразу замечаю в этой полуреальности, что сослуживцы обернулись к входной двери. И смотрят туда, явно смущенные. А Шарлотта наконец-то радостно улыбается.

В дверях стоит Жан-Макс Баллен.

## 11 1999

Мой гитарист разглядывает маски чудищ на стенах, отрубленные головы и паутину, свисающую с потолка прямо над нами. Он явно огорчен.

– Знаете, этот... этот бар ближе других к «Метрополису», – говорит он извиняющимся тоном. – Я здесь впервые.

Меня трогает его печальная мина – точь-в-точь новобрачный, который привез юную жену вместо отеля в заколдованный замок с привидениями.

– О, здесь все так необычно, – отвечаю я, коря себя за то, что не нашла реплики пооригинальнее.

А вот он уже придумал. И шепчет мне:

– На самом деле я всегда назначаю девушкам свидания в самых ужасных местах...

Я киваю, хотя мне непонятно, что он хочет этим сказать.

– И обязательно немного опаздываю. Если они меня дожидаются, значит, действительно хотят видеть! – И приосанивается в ожидании ответной реакции.

Меня его павлинье самолюбование не впечатляет. Поэтому наклоняюсь и произношу – совсем тихо, загадочным тоном:

– Ну и кто здесь самый ужасный? Вы или этот гигантский паук?

Он не отвечает, но чуть потемневшие светлые глаза говорят о том, что это место и эта ситуация смущают его не меньше, чем меня. Он взмахивает своей кепкой, подбегает официант, и мы заказываем пиво: я – «Золотой Бореаль», он – красное. И только тут замечает, что наш стол качается. Его руки начинают дрожать – слишком крупной дрожью, чтобы счесть ее естественной. Он придвигается ближе и снова шепчет:

– Берегитесь, это место проклято! Я сумею защитить вас, если вон те ядовитые змеи сползут к нам с потолка, или если проснутся вот эти зомби на стене, или если за нас возьмутся какие-нибудь типы с циркулярными пилами, но против шаткого стола я бессилён!

Не могу понять, насмехается он надо мной или у нас с ним действительно общая фобия?

– Я тоже их боюсь, – говорю я и встаю. Мы со смехом пересаживаемся за соседний столик. Этот, слава богу, вполне устойчив. Официант приносит нам два пива.

– Спасены! – шепчет мой рыцарь в кепке. – Я полагаю, что теперь самое время спросить, как вас зовут. Не могу же я вечно называть вас Мисс Ласточка. Особенно сейчас, когда вы расстались со своим сине-красным оперением.

И верно, сейчас на мне джинсы с заниженной талией и сиреневая блузка свободного покроя.

– Нет, я пришла сюда инкогнито. Знаете ли вы, что ласточки пролетают многие сотни километров вовсе не ради собственного удовольствия, а чтобы накормить своих птенцов?

– Не всегда... Еще они мигрируют, улетают далеко-далеко от своих гнезд. И могут преодолеть больше десяти тысяч километров в одно мгновение – когда выбирают свободу!

Я машинально откидываю падающую на глаза прядь. Как утверждает Фло, это самый сексуальный жест на свете. Чтобы ослабить эффект, решительно протягиваю руку:

– Натали. Но я предпочитаю просто Нати. А вы?..

Он крепко сжимает мои пальцы:

– Илиан. Можете попробовать просто Ил. Вы будете первой, кто меня так назовет.

*Илиан...*

*Ил...*

*Ил-лиан...*<sup>33</sup>

С минуту мы сидим молча, торопливо – слишком торопливо – прихлебывая пиво. Я знаю, что нужно поставить бокал, поблагодарить его и уйти. Как в покере: наплевать на свою ставку, бросить карты на стол и откланяться. Илиан смотрит на часы, потом – вопрошающе – на меня:

– Ну что, пошли? Нас ждет Роберт Смит... если мы хотим занять лучшие места.

Слышу собственный голос:

– Вы уверены, что мне удастся войти?

– Абсолютно уверен! Если кто-нибудь из «Кью» повредит руку, я – первый кандидат на подмену... поэтому они ни в чем не могут мне отказать.

– А я думала, вы всего лишь таскаете за ними гитары.

– Ну-у-у... это я так, чтобы не выглядеть хвастуном... С виду не скажешь, но вообще-то я сверхталантливый музыкант!

Да, мне кажется, мой гитарист совершенно неотразим, когда пытается пустить пыль в глаза, чтобы его приняли всерьез. И я решаю подыграть ему, поймав на слове:

– Да, похоже...

– Похоже – на что?

– Похоже, вы действительно прекрасный гитарист. Может, даже сверходаренный, но утверждать наверняка не берусь – ничего не смыслю в музыке. Однако справляетесь вы неплохо.

И я восхищенно взмахиваю ресницами, изображая фанатку. Ил ухмыляется, сдерживая притворный вздох.

– Нехорошо насмеяться над бедным малым!

– Никакой насмешки. Мне было ужасно приятно вас слушать – в Руасси, у выхода М.

Ил поправляет кепку и встает, оттолкнув стул. Слишком резко.

– Ладно, нам пора...

Следую за ним. Мы проходим под пауком. Илиан бросает последний взгляд на афиши концертов, состоявшихся в стенах «Фуф», – «Садден Импакт», «Скейт Джем», «Крю Баттл», «Смиф-н-Вессан». И черно-белые граффити за лестницей: десятки лиц с выпученными глазами – не то люди, не то чудовища.

– На самом деле, – признается Илиан, – мне очень стыдно, что я пригласил вас сюда. Я не панк, не рокер, не исполняю ни электро, ни техно... Всего лишь сочиняю кое-что в стиле старинных, давно немодных баллад...

Смотрю на него. Мне ужасно нравится эта его манера – говорить только шутливым или извиняющимся тоном. Переходим улицу Сент-Катрин. Вот он, «Метрополис», напротив, в нескольких метрах. Я останавливаюсь прямо посреди безлюдной улицы, перед чередой бутиков и ресторанов совсем с другим декором, это дорожные заведения современного, шикарного Монреаля. Мне все меньше и меньше хочется бороться с опьяняющими волнами эйфории. И я шепчу на ухо моему робкому гитаристу:

– Обожаю старинные немодные баллады.

\* \* \*

– Бейдж есть? – спрашивает человек с сильным квебекским акцентом.

– Да-да.

Илиан долго роется в карманах и наконец извлекает потертую пластиковую карточку. Человек бдительно рассматривает ее. На вид ему лет сорок, густая борода, залысины на лбу и мощная фигура, сразу ясно: такой не пропустит внутрь никого и ничего, даже две вращаю-

<sup>33</sup> Слово созвучно *liant* – связующий, привязывающий (*фр.*).

щиеся створки турникета. Он долго вытирает влажный лоб полой вылезшей из брюк рубашки, словно хочет похвастаться внушительными выпуклостями своего живота. Кажется, сейчас попросит их пощупать: «Хочешь, проверь: они настоящие!»

– Окей, проходи. А это еще кто?

– Подружка, – бодро заявляет Илиан. – Она фанатка «Кью». Пускай постоит за кулисами. Ручаюсь, она шуметь не будет!

– Ну да, а после концерта ты ее поймешь, эту куколку, – гогочет охранник. – Знаешь, если я буду пропускать всех красоток...

Я закатываю глаза, потом смотрю на Илиана. Он так растерян, что хочется его обнять и утешить. Шагнув вперед, я откидываю свою знаменитую прядь и устремляю на охранника честный взгляд:

– Это не то, что вы думаете, мсье, я не просто его сопровождаю. И мне плевать на «Кью», я не заплачу, если вы меня не впустите. Но перед тем как уйти, хочу кое-что сказать: гитарист, который стоит перед вами, гений! Я не понимаю, почему он всего лишь дублер... Вот если бы вы взяли да подсказали Роберту, чтобы он поставил его на сцене главным!..

Багровый от смущения Илиан смотрит на барабаны за спиной охранника, словно выбирает какой-нибудь побольше, в котором можно спрятаться.

– А я думаю, парень просто-напросто заморочил тебе голову, – ухмыляется охранник. – Он же всего лишь таскает за ними гитары. И в лучшем случае, если будет вести себя хорошо, ему разрешат их настраивать.

Я умоляюще смотрю на него, он наконец-то улыбается и уступает:

– Вот напасть-то! Вы оба мне действуете на нервы, ты и он! Скажите спасибо, что я такой сердобольный, не выношу вида несчастных влюбленных. – И протягивает мне потную руку: – Лавалье. Улисс Лавалье, организатор этого концерта. И не смейте шутить над моим именем, на самом деле меня окрестили иначе, но настоящее еще хуже. Ну так как – впустить вас, что ли...

Я переглядываюсь с Илианом, а Улисс отдувается – шумно, как продырявленный воздушный шар, только живот ни на йоту не теряет в объеме. Он смотрит на кепку Илиана:

– Ладно уж, проходите, ребятки... Давай, парень, веди свою красотку и сидите в уголке тихо, как мышки. Запомните: я над вами сжалился только потому, что давно не видел таких пылких влюбленных. Так что не разочаруйте меня, занимайтесь любовью поусерднее, женитесь и заведите кучу детишек!

Я чмокаю Улисса в щеку и обещаю:

– Вы будете крестным отцом нашего первенца!

Входим в зал.

Концерт начнется через час, но персонал уже вовсю суетится на сцене. Через какое-то время приходит Улисс, чтобы выпить с нами пива. Оказывается, он и в самом деле импресарио, а никакой не охранник, и уже заработал кое-какую репутацию – открыл офис в Лос-Анджелесе и собирается открывать второй, в Брюсселе. Илиан, набравшись храбрости, признается, что ищет работу в музыкальном мире: он сам немного играет и согласен на все что угодно, в любом месте планеты, лишь бы ему позволили держать в руках гитару.

\* \* \*

Потом свет в зале гаснет. На сцене, в нескольких метрах от меня, возникает белый призрак, силуэт, напоминающий Эдварда Руки-Ножницы. Потом рядом с ним появляются другие призраки, они выстраиваются в один ряд – три гитары и электроклаvesин.

Внезапно всех охватывает вихрь безумия.

Зал вскакивает в едином порыве.

Публика беснуется.

*In Between Days...*<sup>34</sup>

Песни следуют одна за другой. Певец, бас-гитарист, ударник, клавишник, второй гитарист почти не двигаются, это танец на месте, однако чудится, будто безумный смерч подхватил и кружит весь зал.

Я никогда еще не испытывала такого экстаза!

Неужели все дело в концерте?!

В том, что все вывернулось наизнанку? Встало с ног на голову?!

Или так действует близкое соседство с музыкантами – я ведь могу дотронуться до их насквозь пропотевших рубашек!

Неужели это глаза Илиана зачарованно следят за пальцами, мечущимися по шести струнам бас-гитары?

И неужели я так взбудоражена от того, что всеми фибрами чувствую его близость?

*Close to Me.*

Как бороться с этой магией? Как подавить в себе желание вскочить, пуститься в пляс, запеть во весь голос прямо тут, между этими ящиками, среди равнодушных рабочих сцены? Иногда я ходила на концерты вместе с Оливье и там тоже и пела и танцевала.

Но никогда – с таким буйным восторгом.

Никогда – с таким жгучим желанием быть увиденной, быть понятой, быть покоренной.

Быть застигнутой врасплох и захваченной.

*Just Like Heaven*<sup>35</sup>.

Илиан проживает каждую ноту, каждый аккорд, каждое слово и каждый звук, шепотом повторяя их, шевеля пальцами, словно они бегают по струнам. Илиан где-то далеко, не здесь, затерянный в аллеях своего заповедного сада.

*И ворота распахнуты в дивный тот сад,  
И цветы дарят всем нежный свой аромат...*

Я знаю, что это мираж, что экстаз улетучится в тот миг, когда в зале вспыхнет свет, и все-таки мне не удастся отогнать глупое наваждение. Глупое... но возвышенное.

Ил привел бы меня сюда, чтобы слушать его игру, ободрять его, будоражить и успокаивать.

Попроси я, Ил подарил бы мне эту привилегию, чего никогда не делал Оливье. Мужу от меня нужна похвала, ну и – может быть – толика восхищения. Он не против, чтобы я оценивала его работу – только что завершенную, еще не вышедшую из мастерской. И чтобы помогала ему – в качестве секретарши, бухгалтера, супруги. Но не в качестве музы.

*The Hanging Garden*<sup>36</sup>.

---

<sup>34</sup> «Меж днями...» (англ.) – здесь и далее упоминаются песни группы «Кью».

<sup>35</sup> «Так похожий на рай...» (англ.)

<sup>36</sup> «Висячий сад» (англ.).

Зал плавится в сумасшедшей жаре. Прожектора жгут, испепеляют певцов, которые мечутся по сцене, словно грешные души в аду. Илиан поет во весь голос, до хрипоты, и я вместе с ним.

Да-да, повторяю: никогда в жизни мне не доводилось впадать в такой экстаз!

И вдруг меня обжигает чувство вины, я понимаю, что больше всего на свете хотела бы пережить подобное вместе с Оливье. Но мне ясно, что это невозможно, что этому никогда не бывать. И еще я знаю, что хотя Илиан до меня не дотронулся, мы были так близки, как будто я изменила Оливье.

А потом по щекам Илиана покатались слезы.

*Boys Don't Cry.*

Парни не плачут.

За исключением тех, кто достоин любви.

А потом прожектора погасли.

Певшие сели на свои места. И в зале вспыхнули огоньки зажигалок.

Роберт отложил гитару и запел:

*Sometimes I'm dreaming  
Where all the other people dance  
Come to me  
Scared princess<sup>37</sup>*

Что это – сон?

Все зрители, кроме нас, с первого до последнего ряда, танцуют.

И я впервые беру Ила за руку.

Маленькая робкая принцесса.

Да и он, мой рыцарь, тоже робеет.

\* \* \*

Музыка смолкла. Свет становится ослепительно-белым, и публика понимает, что пора вернуться к реальности. Зал пустеет – так вода уходит сквозь песок. Илиан, не дожидаясь, когда удалятся последние зрители, начинает сматывать провода усилителей и укладывать инструменты в футляры. Я ему помогаю как могу. Это занимает у нас несколько минут. Илиан отвечает только за струнные, для *roadie* это работка не бей лежачего, что я ему и говорю, добавив: «Представляешь, если бы тебе нужно было паковать ударные?!»

Ил смеется.

Улисс заходит попрощаться с нами и советует Илиану не ложиться слишком поздно, завтра их ждет тяжелый переезд: группа отправляется в Ванкувер. Илиан с ними не едет, но по контракту обязан участвовать в погрузке вещей.

– Вы там не слишком его мучайте, мадемуазель, завтра на рассвете мы начнем собираться, и он должен быть в норме!

Я усмехаюсь: мой самолет отбывает в Париж в шесть часов утра!

---

<sup>37</sup> Порой я мечтаю, Когда все танцуют кругом... Приходи ко мне, робкая моя принцесса, Мы будем грезить вдвоем! Слова из песни «Кью» *Charlotte Sometimes*, толчком к созданию которой послужила одноименная книга английской писательницы Пенелопы Фармер.

Илиан насвистывает в такт с другими *roadies*:

*Let's Go to Bed!*<sup>38</sup>

До полуночи еще далеко. Внезапно хватаю за руку своего носильщика гитар и тащу его к выходу. Мной владеет какая-то непривычная решимость, я сама себя не узнаю.

Ил приподнимает кепку на кудрявых волосах и чешет затылок. Как же мне нравится его лицо задорного, очаровательного сорванца!

– Мисс Ласточка, вы ведете себя неразумно!

– Обычно это не так, но сейчас...

Я прячу смущение за обезоруживающей улыбкой. Спасительная прядь скрывает глаза цвета пепла. Ил притворяется рассерженным:

– Вы еще и в этом смеете меня обвинять?

Я озираюсь:

– Что-то я не вижу здесь никого, кроме вас... Так что будем делать?

– Ничего! – Ил надвигает кепку на глаза и становится похож на школьного надзирателя, и таким он мне нравится гораздо меньше. – Напоминаю вам, что завтра рано утром вы улетаете.

Я машу руками, изображая птичий полет.

– Да, я не могу иначе, я ведь ласточка... Или фея – выбирайте, что вам больше нравится!

И я продолжаю размахивать руками, легкая как перышко, кажется, сейчас мои ноги оторвутся от земли и... Но он мягко обхватывает мое запястье и удерживает, пока я не вспорхнула под своды «Метрополиса».

– Вы неисправимы! Ладно, тогда за мной, мы идем в кино!

В кино?

Ил меня раздражает своей манерой брать реванш одной-единственной фразой.

– Да вы знаете, который час?

– Разве это имеет значение?! Вы – фея, я – волшебник... Только с одним условием, мадемуазель: мы будем вести себя примерно! Никаких поцелуев в последнем ряду, обещаете?

Его взгляд неуловим, и теперь уже я пытаюсь его «приземлить».

– У вас, оказывается, есть принципы?

– Нет, просто страх! Держу пари, что вы замужем, что ваш муж ужасно ревнив, что у вас куча детей и все они никогда не простят мне, что я сбил с пути их мамочку.

– Нет, у меня всего одна дочка и очень добрый муж.

Наконец-то мне удалось поймать взгляд его голубых глаз и одним движением пальца приковать его к моей соблазнительной пряди.

– Теперь вы спокойны? Но я с вами согласна: мы всего лишь посмотрим фильм, и ничего больше, обещаете?

Я знаю, что мои глаза говорят совсем другое. Говорят на языке, который мне незнаком, так что приходится импровизировать. Ил что-то бормочет, не в силах определить, говорю я серьезно или играю с ним.

Конечно, это всего лишь игра. Я и сама хочу убедиться в этом, перед тем как окончательно заглушить в себе чувство вины.

*Это всего лишь игра. Я владею собой, ничего серьезного не случится. Итак, что мы будем смотреть?*

На самом деле мне не верится, что кинотеатры открыты в такое позднее время. Тогда каким же будет его следующий фокус?

Ил вынимает из кармана программку и разворачивает ее передо мной.

---

<sup>38</sup> «Давай завалимся в кровать!» (англ.)

*Кино под звездным небом.*

– Летом, – объясняет он, оторвав от меня взгляд и уткнувшись в буклет, – в Монреале по всему городу устраивают киносеансы под открытым небом. Вот... слушайте!

Променад Бельвиль, 22:00 – «Красота по-американски»

Квартал у канала, 22:00 – «Все о моей матери»

Рынок возможностей, 23:00 – «Матрица»

Площадь Мира, меньше чем в двухстах метрах отсюда, 00:00 – «Жизнь прекрасна»

Вы уже видели этот фильм?

– Кажется, он очень грустный? Или я ошибаюсь?

Ил хватает меня за руку и бегом тащит за собой. На часах почти полночь.

– Да, грустный, но мы будем смотреть только первые сорок пять минут – самые прекрасные во всей истории кино!<sup>39</sup>

---

<sup>39</sup> Первая половина итальянского фильма «Жизнь прекрасна» (1997, режиссер Роберто Бенини) посвящена беззаботной жизни до Второй мировой войны, а действие другой половины происходит в фашистском концлагере.

## 12 2019

– Привет!

Жизнерадостное приветствие командира Баллена, явившегося в «Фуф», мгновенно возвращает меня к действительности, развеяв воспоминания. Шарлотта убирает сумочку со стула и пододвигает его к Жан-Максу, приглашая сесть. Наш пилот едва достаивает бедняжку взглядом, и я задумываюсь, как это истолковать. Как простую предосторожность, чтобы никто не догадался об их отношениях? Или как намеренное безразличие, чтобы влюбить в себя девочку? Впрочем, возможно, Жан-Макс Баллен просто занят своими мыслями. Надеюсь, что так. Лишь бы он не причинил ей зла! Какая-то первобытная, звериная ярость побуждает меня защищать мою молоденькую подопечную.

Командир Баллен машет официанту, заказывает *Canadian Club Single Malt*<sup>40</sup> и обводит недоуменным взглядом замолкших коллег:

– Что это с вами? Селин Дион умерла, что ли?

Один лишь Жорж-Поль через силу смеется этой шутке. Баллен, облокотившись на стол, начинает разглядывать чудищ из папье-маше, развешенных по кроваво-красным стенам.

– Надо сказать, даже в Брашове, в трансильванской глуши, не сыщешь такого мрачного бара. Интересно, кому из вас пришло в голову назначить здесь встречу для выпивки?

Все молчат. Сияющая улыбка Шарлотты превратилась в восковую маску. Девочка нервно ерошит волосы. Осмелится ли она сегодня ночью откровенно поговорить с любовником, спросить: «Ты и вправду меня любишь или я просто еще одна куколка в твоей коллекции?»

Фло уткнулась в свой мобильник. Жорж-Поль пытается сострить, заявив, что он предпочитает электрическим вагинам *секс-опилные*. Баллен рассеянно отвечает: *Oh, my God*<sup>41</sup>, а я выдавливаю из себя смешок, чтобы хоть как-то вознаградить их за усилия. Уф, черт бы побрал эти длинные стоянки! Мужчины всю стараются развлечь экипаж, а Сестра Эмманюэль даже не снисходит до такой попытки. Решительно отставляет чашку и встает:

– Так, я иду по магазинам. Кто со мной?

Шарлотта любитесь профилем своего тайного возлюбленного, его кудрявыми с проседью волосами, решительным, красиво очерченным ртом, смуглыми, идеально выбритыми щеками. Потом тоже встает, непринужденно расправляет складки юбочки, одергивает розовый облегчающий топ, чтобы прикрыть голый пупок и одновременно выгоднее подать грудь, поворачивается к командиру спиной, вернее, аппетитной попкой (она оказывается как раз на уровне его лица) и кликает Эмманюэль:

– Ты не знаешь тут какого-нибудь хорошего парикмахера?

– Да у нас в Квебеке лучшие в мире брадобрее, – встречает Жорж-Поль, изображая канадский говорок, правда, с меньшим успехом, чем Жан-Макс. Тот и голоса не подает.

– Есть у меня на примете один подходящий, – отвечает Сестра Эмманюэль, игнорируя вмешательство нашего GPS. – Шикарное заведение, хозяйева – парочка голубых. Это на улице Бонсекур, вывеска заметная, мимо не пройдешь.

---

<sup>40</sup> Самый известный канадский виски сегодня производят в городке Уокервилль, который возник и развивается вокруг одноименной винокурни Хирама Уокера с 1858 г. Нынешнее название виски получил в 1890 г.

<sup>41</sup> О господи! (англ.)

Меня удивляет, что Сестре Эмманюэль с ее дешевыми шмотками из *Camif*<sup>42</sup>, чаем с каплей молока и неуклонным отходом ко сну ровно в 22:15, после звонка родным, какова бы ни была разница во времени, известны такие забойные места в Монреале.

– И даже не нужно записываться заранее, – добавляет Эмманюэль, – у них там как минимум двадцать мастеров... Эта парикмахерская называется «Маленькая ласточка».

Мое сердце на миг замирает, а потом начинает колотиться так неистово, что грозит взорваться, вместе с мозгами.

*Маленькая ласточка...*

Бросаю взгляд на Фло, но та вперилась в свой мобильник и даже головы не подняла.

Что это – опять совпадение? Наверно, именно так ты мне и объяснишь, Фло? Простое совпадение. Ласточки, они же повсюду, куда ни глянь, вокруг нас, в небе, на логотипах ресторанов, на афишах и улицах... как любые другие существа – птицы, пауки, летучие мыши, змеи, ящерицы, волки, крысы. Я ведь их не замечаю, а почему? А потому что у Илиана хватило деликатности не присваивать мне их названия.

Пока Эмманюэль и Шарлотта собирают вещи, готовясь уйти, Жорж-Поль снова пытается разрядить обстановку:

– А вам известно, что ученые обнаружили в моей ДНК девяносто процентов генов, общих с генами ласточек? А также журавлей и странствующих голубей... Медики называют это геном странника. Он зафиксирован у моряков и у лондонских таксистов... И почти не встречается у красивых девочек!

И хохочет в одиночку над собственной шуткой. Сестра Эмманюэль молча пожимает плечами и знаком велит Шарлотте идти за ней. Жан-Макс глядит им вслед, но не удерживает. Фло занята своим мобильником, а я – своими мыслями. Несколько минут мы сидим молча, все четверо. Потом Жорж-Поль вроде бы собирается что-то нам предложить, но Жан-Макс его опережает:

– А что, если нам сходить в кино? Не зря же мы сделали привал в стране, где идут фильмы с французским дубляжем.

Я зажмуриваюсь и цепляюсь за стул. Воспоминание мне кажется таким живым, словно это было вчера.

*Площадь Мира.*

*Фильм Бениньи.*

*Сумасшедший бег за руку с Илианом, в полночь.*

Если Жан-Макс помянет сейчас этот фильм, я опрокину столы вместе с пивом, вырву циркулярную пилу из рук кривого лесоруба, стоящего у туалета, и разнесу в щепки весь «Фуф» с его картонными чудовищами, клиентами и красавчиками-официантами... А потом возьмусь за этот проклятый город...

– Так... В «Бобьен» идет старый черно-белый Капра...<sup>43</sup>

Я перевожу дух. Но ненадолго.

– Ага, вот! «Жизнь прекрасна», – объявляет командир.

Я вскакиваю, отрываю Фло от мобильного, стискиваю ее руку, едва не вывернув кисть; за моей спиной с грохотом падает стул, и я кричу – громко, очень громко, предельно громко, стараясь заглушить голоса призраков, которые завывают еще громче у меня в голове. Передо мной мелькают улицы Монреала, площадь Мира, парк Мон-Руаяль, бельведер Кондьяронк...

– Пошли, Фло! Иди за мной!

*Когда на заре наши праздники сгинут,*

---

<sup>42</sup> Французский интернет-магазин.

<sup>43</sup> Фрэнк Капра (1897–1991) – американский режиссер, классик кино.

*Когда наши чувства навеки остынут,  
Когда я устану мечтать о ней  
В холодной слякоти будних дней,  
Тогда в череде безразличных лет  
Бесследно растает наш легкий след.*

## 13 1999

Площадь Мира расположена в сотне метров от «Метрополиса», в самом сердце квартала развлечений. Илиан как будто заранее все предусмотрел. Слегка задохнувшись, мы вбегаем в тот самый момент, когда Дора падает с крыши амбара на груды сена, в объятия Гвидо.

– *Здравствуй, принцесса!*

И меня мгновенно пленяет улыбка Гвидо – героя фильма Бенини. Как он похож на восторженного клоуна, который сейчас держит меня за руку! Мы присели в последнем ряду, на бетонный барьер, за спинами полусотни зрителей, расположившихся перед гигантским экраном, растянутым между двумя бетонными столбами в дальнем конце прямоугольной площади. Некоторые зрители сидят прямо на булыжной мостовой, где между квадратными камнями пробивается сорная трава; другие принесли с собой складные стулья.

Ил не выпускает мою руку. Я уже слышала об этом фильме, где действие происходит в фашистском лагере смерти, и боялась его смотреть – слишком уж это страшно, слишком ранит сердце. Это не та картина, на которой хочется наслаждаться моментами взаимной близости. Так зачем же Илиан привел меня сюда?

А на экране Гвидо изоощряется в выдумках, чтобы соблазнить предмет своей любви. Фильм идет уже тридцать минут, а я пока не вижу ни одного нациста. Одна только чудесная история любви и этот застенчивый мальчик, который прибегает к самым нелепым хитростям, лишь бы завоевать свою принцессу. Я улыбаюсь, глядя на него. Он словно жонглирует совпадениями: ключ от двери падает ему в руки прямо с неба, шоколадное мороженое появляется точно в нужный момент, мокрая шляпа как по волшебству становится сухой.

После фильмов Чаплина я не видела ничего более поэтичного и трогательного. Вот Гвидо целует свою любимую под праздничным столом. «Пожалуйста, похить меня!» – умоляет она. Я шепчу на ухо Илиану:

– Вы верите, что в наше время еще существуют мужчины, способные на такое?

Мой гитарист гордо выпячивает грудь:

– Конечно! Я, например! Я могу куда больше, чем этот итальянский показушник!

Ил делает вид, будто всецело поглощен фильмом. Я придвигаюсь, чтобы он услышал мой ответ:

– Нахал!

До чего же мне нравится его веселая усмешка! Он не сводит глаз с экрана.

– Возможно. А может, и нет. Раз уж мужчина осмелился на такие безумства, значит, у принцессы сердце не совсем очерствело.

Не знаю, очерствело ее сердце или нет, но мое собственное так сильно вздрагивает от неожиданности и гнева, что вот-вот разорвется.

– Что?! Это я... это мое-то сердце очерствело?

– Конечно. Для всех, кроме мужа. У вас ведь есть муж...

– У Доры тоже!

– Она всего лишь помолвлена с мерзким фашистом, потому и ждет, чтобы Гвидо ее похитил. Скажите мне, что ваш муж мерзкий фашист, и я тотчас кинусь вам на выручку. Хотя нет, не говорите о нем ничего, но признайтесь, что несчастливы, и я обещаю устроить вам такой шикарный побег из-за любви, какого мир еще не видывал!

Все это Ил произнес, не отрывая глаз от экрана.

– Нет, Илиан, это совсем не так.

– Да знаю я, знаю.

Пытаюсь сосредоточиться на фильме. Прошло уже сорок пять минут, а концлагеря нет как нет. Гвидо одержал победу и увез свою принцессу прямо с банкета на зеленой лошади. А ее жениху-фашисту с налитыми кровью глазами сваливается на голову страусиное яйцо, залившее его желтком. Ах, какая сцена! Какой потрясающий фильм! И до чего же все легко на экране – взять и уехать со своим рыцарем, и не потому что хорошие люди там действительно хорошие, не это отличает кино от реальной жизни, но потому что злодеи там действительно злодействуют. И можно заставить их страдать, не отравляя свою душу ненавистью, и можно их бросить без труда.

Илиан хватается меня за руку:

– Пошли отсюда. Быстро!

– Мы разве не досмотрим до конца?

Иду следом, продолжая смотреть на экран. Декорации меняются. Прошло пять лет. Из шкафа выходит очаровательный малыш, со словами: «Здравствуй, принцесса!»

– Нам нужна поэзия, этот вечер не предназначен для жестокости.

Ночь теплая. Вокруг темно.

– Идем! – шепчет Ил.

– Куда?

– Любоваться городом с высоты. С самой высокой высоты.

\* \* \*

– Смотрите, Мисс Ласточка, вот Бобровое озеро!

Мы пересекаем парк Мон-Руаяль. Илиан указывает мне на черную, мерцающую бликами поверхность большого озера в окружении сосен и кленов; так и кажется, будто его телепортировали сюда с великого канадского севера, чтобы столица могла надышаться запахами необъятных диких просторов. Озеро напоминает огромный бассейн, освещенный десятками фонарей в виде гигантских горящих спичек.

*Бобровое озеро, Мисс Ласточка...*

Это совпадение смущает мою душу.

«Бобренок» – так прозвал меня Оливье...

Перед нами вздымаются силуэты деревьев на Мон-Руаяль<sup>44</sup> – темной двухсотметровой горе с подсвеченным железным крестом на вершине; этот лес в самом сердце города наводнен любителями бега, роллерами и саночниками в долгие месяцы зимних холодов, а коротким летом их сменяют влюбленные парочки.

Поднимаемся к вершине. Мало-помалу город уменьшается в размерах. Небоскребы, подавлявшие нас своими громадами, выглядят отсюда, сверху, крошечными кубиками, беспорядочно разбросанными между горой и рекой Святого Лаврентия. Мне уже сообщили, что здесь ни одно здание не должно быть выше горы Мон-Руаяль. Наконец добираемся до первой смотровой площадки, на краю которой стоит довольно внушительное шале, похожее на китайский павильон. Этот просторный бельведер носит странное имя – Кондьяронк.

Я кладу сумку на скамью, беру Илиана за руку, слушаю краем уха его короткий рассказ о легендарном вожде гуронов и люблю великолепной панорамой. Город, оцетинившийся тремя десятками ярко освещенных небоскребов самых неожиданных очертаний, напоминает войско великанов в сверкающих доспехах, собравшихся у реки Святого Лаврентия, но не способных ее перейти: отсюда, с бельведера, она выглядит безбрежной, как море.

Сейчас около двух часов ночи, и все-таки мы здесь не одни. Несколько влюбленных парочек обнимаются и фотографируют друг друга. Компания молодых парней и девушек пьет, рас-

---

<sup>44</sup> Мон-Руаяль (*фр.*) – букв.: Королевская гора.

севшись на бортике эспланады. Монреальцы смакуют теплые ночи до последней минуты – так наслаждаются последними летними фруктами. Вдали, над аэропортом Мирабель, заходит на посадку какой-то лайнер. Я сжимаю руку Илиана:

– Мой самолет вылетает рано утром. Через три часа я должна быть в аэропорту.

Наши лица скрыты в тени. Мы говорим вполголоса, но кажется, будто ветер уносит звуки к реке.

– А я остаюсь по эту сторону Атлантики, – отвечает Илиан. – Хочу попытать удачи. Улисс подкинул мне пару адресов. И еще у меня есть несколько приятелей на юге США.

Все сказано.

Илиан разглядывает юных выпивох, потом переводит взгляд на освещенный крест, парящий над самой высокой точкой леса, и шепчет:

– Пошли?

Не говоря ни слова, шагаем по лесной тропинке. *Дорога Ольмсте*<sup>45</sup> – читаю я на щитах-указателях, и чем выше они висят, тем хуже освещены. Панорама исчезла за деревьями. По ночам сюда никто не поднимается.

Наконец-то мы одни.

Подъем на вершину занимает каких-нибудь десять минут. Монументальный крест, видимый с любой точки Монреала, здесь, у его подножия, кажется смехотворно малым, чем-то вроде миниатюрной Эйфелевой башни, метров тридцати в высоту; его установили в центре небольшой лужайки в окружении деревьев, которым словно не терпится отвоевать свою исконную территорию. Стоит шагнуть под их низко свисающие ветви, и вы оказываетесь в полной темноте.

Илиан делает этот шаг. Вместе со мной.

– Могу я попросить вас об одной милости, Нати?

Его лицо в нескольких сантиметрах от моего. Я догадываюсь, что это за милость; я хочу, чтобы Илиан получил ее, наслаждался ею, как наслаждаются ароматом цветов, не спрашивая у них разрешения.

– Я загублю свою жизнь, Нати. В тридцать с небольшим, это я уже понял.

– Что вы такое говорите?!

Волосы падают мне на глаза, но лицо Илиана слишком близко, и их не отбросить, не задев его.

– О, не тревожьтесь за меня, Нати, все это неважно. Наоборот, до ужаса банально. Просто судьба наделила меня вдохновением, но не талантом. Я был и навсегда останусь самым обычным гитаристом, который умеет играть, который любит играть, как миллионы других музыкантов в мире. В лучшем случае, если мне повезет, музыка будет меня кормить. – Он придвигается ко мне еще ближе, и я чувствую его дыхание. – Люди появляются на свет со столькими надеждами, Нати. Стать Хемингуэем, Маккартни, Пеле, даже Биллом Клинтонем или Майклом Джексонем. Сколько таких мечтателей рождается каждую минуту, в каждом уголке планеты – миллиарды мечтателей, но как мало избранных...

Крест над нами поминутно меняет цвет от белого к пурпурно-красному. Что это – еще один фокус?.. Я не знаю, что ответить Илиану. Неужели мои мечты совсем уж ничтожны?

– Нати, как бы мне хотелось один раз, один только раз почувствовать то, что чувствует избранный!

Ил дрожит...

– Каким образом?

– Поцеловав вас.

Теперь дрожу я. Верит ли он в то, что говорит? У меня хватает сил только на шутку:

---

<sup>45</sup> Единственная велодорожка на горе Мон-Руааль.

– А я-то думала, что вы никогда не осмелитесь попросить меня об этом!

Но Илиан даже не в состоянии оценить мой юмор.

– После этого мы никогда больше не увидимся. Давайте так и пообещаем – забыть друг друга! Пусть каждый из нас скроется где-нибудь, наш мир достаточно велик, чтобы потерять тех, кого любишь.

Я касаюсь пальцем его губ:

– Молчите, Ил. Вы прекрасно знаете, что расстояния тут ни при чем. Обнимите меня. Обнимите меня, а потом... забудьте!

Ил целует меня. Я целую его. Это продолжается всю ночь. Остаток ночи. Даже солнце медлило – долго не всходило над Атлантикой, не золотило верхушки сикоморов, не играло сверкающими бликами на стеклах небоскребов, не серебрило берега реки Святого Лаврентия. Но в конце концов решилось.

– Мне пора.

Спускаемся, рука об руку, по крутой дорожке Ольмсте, озаренной первыми утренними лучами. Свободной рукой я поглаживаю свой камешек времени в кармане джинсов. Мне хочется поверить в слова продавщицы-инуитки, услышанные несколько часов назад, на улице Сен-Поль: «Время течет, подобно реке, всегда в одну сторону, и его нельзя остановить. Но несколько капель – всего несколько! – возникшие из прошлого, могут изменить течение всей жизни». И мне хочется верить, что эти минуты, этот вечер и эта ночь навсегда останутся в моей памяти нетронутыми. Взятые в рамку, отлакированными и повешенными над кроватью моих тайн. Даже если крест там, наверху, всего лишь пара железных перекладин, даже если бельведер Кондьяронк, куда мы спускаемся, замусорен до безобразия, я мечтаю о романтическом прощании. О последнем поцелуе перед тем, как сесть в такси. Чтобы поставить эту чудесную точку. Мы не сделали ничего дурного, мы только обнимались. Только бережно ласкали друг друга, но я до сих пор вздрагиваю, застегивая блузку.

Мы не пошли дальше. Оливье никогда об этом не узнает.

Я буду еще сильнее любить его, вернувшись домой. Я сумею любить его лучше. И помогу ему лучше любить меня – теперь, когда познала такую горячую любовь. Я пытаюсь убедить себя.

Мы проезжаем мимо парка Мон-Руаяль, мимо Бобрового озера, а вот уже и Хилл-Парк-Серкус с его оживленным движением и дорога к Кот-де-Нэж<sup>46</sup>. Несколько энтузиастов бегут по шоссе, лавируя между автобусами, машинами и такси. Через несколько минут я сяду в одно из них. Машинально шарю по сиденью – и ужасаюсь:

– Господи, моя сумка! Я ее забыла!

Илиан поворачивается ко мне:

– Вы уверены? Где?

– На Мон-Руаяль! Наверно... на бельведере Кондьяронк. Или там... между шале и крестом. В общем, где-то в лесу.

Не рассуждая, мы возвращаемся, обмениваясь испуганными возгласами. Через сколько вылетает ваш самолет?... Через два часа, но я должна явиться за час до посадки. А мне еще нужно заехать в отель... Что было в сумке?... Документы, деньги... о боже, да все... абсолютно все!.. Не паникуйте, мы ее найдем...

Увы, мы ее не находим. Ищем, нервничаем... то есть это я нервничаю, едва не впадаю в истерику. Илиан пытается меня успокоить, как будто сам виноват в потере, и его сочувствие слегка утешает, но минуты бегут, я смотрю на часы: больше медлить невозможно. Вспоминаю вчерашнюю молодежь на эспланаде, утром их там уже не было – исчезли, оставив после себя

---

<sup>46</sup> Хилл-Парк-Серкус, Кот-де-Нэж – районы Монреаля.

пустые бутылки из-под канадского виски. А что, если они ее нашли? Чем дольше я думаю, тем больше убеждаюсь, что оставила ее на бельведере Кондьяронк. Может, они-то ее и украли? Вернее, украли деньги, документы им ни к чему, они вполне могли зашвырнуть сумку в кусты, в любом месте леса... маленькую кожаную сумочку сиреневого цвета.

Мы с Илианом расходимся на несколько метров и бродим, глядя на землю, на асфальт, на корни деревьев. И, к счастью, не смотрим друг на друга – так Ил не может заметить, что мои голубые глаза позеленели от гнева. Наконец он говорит:

– Знаете что, поезжайте.

Я поднимаю на него глаза.

– Отправляйтесь в аэропорт. А я останусь и буду искать. Буду искать ее всю оставшуюся жизнь. И, если найду, пришлю вам, обещаю.

Я уже опаздываю. Я в панике. И, убегая, только успеваю бросить:

– Мне очень жаль!..

\* \* \*

Приезжаю в аэропорт Монреаль-Мирабель за сорок пять минут до отлета. Мне удалось дозвониться Фло, объяснить свое опоздание и сообщить, что у меня не осталось никаких документов. Она все уладила. И вот я первой прохожу досмотр и паспортный контроль. Оказавшись на взлетной полосе, перед нашим аэробусом А340, бросаюсь в объятия подруги и плачу навзрыд.

– Ну-ну, успокойся, моя красавица, ничего страшного, – утешает она меня, похлопывая по спине. – Ничего страшного, подумаешь, документы... Они хотели оставить тебя в Канаде, но после того как я заверила их в твоей лояльности, предпочли экстрадировать тебя на родину.

Улыбаюсь, шепчу сквозь слезы: «Спасибо тебе!» – и снова рыдаю.

– Ну, что стряслось, красавица моя, что с тобой?

– Я влюбилась, Фло! Влюбилась в парня, которого никогда больше не увижу!

## 14 2019

– Ты меня замучила, Нати! Уж если решила совершить восхождение на Мон-Руаяль, нужно было предупредить, я бы не надевала балетки!

Я не отвечаю. Я карабкаюсь вверх. Молча, вместе с Фло, к бельведеру Кондьяронк. Перед глазами открывается величественная панорама – от небосвода над небоскребами до берегов реки Святого Лаврентия, – и Фло постепенно успокаивается.

– Да, старушка, потрясающее зрелище! Сейчас сделаем селфи!

Нет, мне не до селфи, я с нетерпением жду момента, когда мы доберемся до шале и я вывалю на нее все, что мучило меня во время подъема.

– Слушай, Фло, тебе не кажется, что слишком уж много накопилось совпадений? Эмманюэль с ее «Маленькой ласточкой», Жан-Макс с фильмом «Жизнь прекрасна», тот факт, что все мы собрались в тех же «Электрических вагинах», колченогий стол, не говоря уж обо всем остальном...

– Спокойно, Нати, спокойно! Я не поняла и половины того, что ты наговорила.

Она права. Мне становится ясно, что только я могу связать все это воедино. Флоранс известны лишь несколько подробностей нашей с Илианом истории, да и те относятся к прошлому двадцатилетней давности. Я вспоминаю, как рыдала у нее на плече в аэропорту Мирабель, и начинаю дотошно перечислять загадочные совпадения, не сводя глаз с реки Святого Лаврентия и бесконечно длинной эстакады моста Шамплен.

Вокруг нас галдит толпа разноязыких туристов, но на просторной смотровой площадке нетрудно найти спокойный уголок.

– Это все, Нати?

– Да.

– Ты понимаешь, что это значит?

Нет, Фло, я вконец растеряна, я ничего не понимаю, вся надежда на тебя! Флоранс молча наслаждается дивным видом. Он и впрямь прекрасен – как на подарочной открытке. В последних солнечных лучах затянувшегося лета лес Мон-Руаяль переливается тысячами красок, от ржаво-зеленого до ярко-красного. Джунгли в огне, вулкан, извергающий фонтаны базальтовых глыб на двадцать километров в высоту, башни Ля-Гошетьер, Биржа, Рене-Левек, СІВС...<sup>47</sup> Наконец Фло делает глубокий вдох и начинает:

– Жан-Макс предлагает нам фильм «Жизнь прекрасна», Эмманюэль – парикмахерскую «Маленькая ласточка», один из нас выбирает бар «Фуф», другой случайно садится за шаткий стол, мы все собираемся в одном самолете... Нати, одно из двух: либо ты просто рехнулась, либо мы, все остальные, сговорились, чтобы свести тебя с ума.

Я неловко оправдываюсь:

– Это не так, Фло, но...

– Да нет, именно так, моя дорогая! Если ты отказываешься верить в случайные совпадения и при этом считаешь себя более или менее нормальной, значит, мы все – злодеи, играющие у тебя на нервах. Ну скажи мне, подруга, с какой стати нам тобой манипулировать!

Я не отвечаю – и так ясно, что она права, – и продолжаю подъем по тропе Ольмсте, туда, где стоит железный крест. Фло бросает испуганный взгляд на вершину горы:

– А ты уверена, что не хочешь совершить паломничество одна?

---

<sup>47</sup> Небоскребы Монреаля, из которых Ля-Гошетьер – самый высокий (205 м). СІВС (Canadian Imperial Bank of Commerce) – одна из крупнейших банковских компаний в Канаде.

– Это было здесь! Мы расстались внизу, в начале дороги. Я потеряла сумку. Мы искали ее в лесу. Такая сиреневая, в ней были все мои документы. Да ты же помнишь, да?

– Да, помню, – признает Фло.

Я только теперь замечаю, что она взмокла от усталости. Моя подруга уже много лет не занимается спортом, разве что посещает бассейны отелей в тропических странах во время наших стоянок, и совсем отвыкла от физических усилий. Она вдруг нагибается, чтобы рассмотреть корни дерева, стоящего несколькими метрами выше смотровой площадки.

– Сиреневая сумочка, говоришь? Вот такая? – И с брезгливой гримасой поднимает что-то с земли кончиками пальцев.

Мое сердце начинает бешено колотиться, словно я поднялась на гору бегом. Подхожу ближе, меня трясет. Фло спешит избавиться от кожаного бледно-сиреневого комка, бросив его мне в руки.

И я узнаю...

Это моя сумка – выцветшая, вся в пятнах плесени; лейбл почти стерся, но я все же различаю его почти круглую форму. Замочек ржавый, ремешок разлохмачен. Я судорожно открываю ее: она пуста.

Фло с тревогой наблюдает за мной.

– Если ты сейчас скажешь, что эта мерзость – та самая, потерянная двадцать лет назад сумка, я тебя отправлю в психушку!

– Но она... она похожа!

– Господи, Нати, ну как ты можешь помнить вещь, которую не видела двадцать лет?!

– Я не утверждаю, что это она! – почти кричу я. – Просто говорю, что похожа.

А про себя думаю: «Еще как похожа!»

– Была бы похожа, – с усмешкой парирует Фло, – особенно если бы в ней нашлись твои документы...

«Вот именно, – соглашаюсь я, – вот именно...» Фло прямо-таки читает мои мысли.

– А теперь вспомни, милая старушка, что на дворе 2019 год, что ты потеряла сумку в 1999-м, что с тех пор снег двадцать раз, каждую зиму, заваливал Мон-Руаяль метровыми сугробами, что осенью здесь идут проливные дожди, что бригады уборщиков каждый год собирают мусор, ибо в мире нет более упертых экологов, чем квебекцы, а Мон-Руаяль – их святилище! Так вот, заверяю тебя, что твоя чертова сумка, даже потерянная у этого дерева в 1999 году, давным-давно сгинула бы бесследно. Это не она, Нати, это не она!

Я знаю, Фло. Знаю, что это невозможно.

И все-таки... все-таки каждый сантиметр кожи напоминает мне потерянную сумку. В ней был внутренний карманчик, где я хранила бумажник. Он есть и в той, что я держу в руках.

Фло машет рукой перед моим лицом, словно хочет вернуть к реальности.

– Послушай меня, детка, послушай внимательно, перед тем как окончательно свихнуться. У тебя за спиной – мусорка, из которой торчит – вон там, видишь? – коробка из-под пиццы. Ну так вот: если ты и твой возлюбленный купили такую, чтобы закусить на бельведере, ты, наверно, сочла бы странным, найдя упаковку от нее двадцать лет спустя. Или вон ту пустую пачку «Мальборо» у тебя под ногами. И если бы вы оба выкурили по сигаретке, ты бы сейчас утверждала, что это пачка твоего Ромео. А вон тот продавец воздушных шариков? Ты и твой гитарист случайно не купили у него один, чтобы выпустить в небо? Нет? А жаль, это стало бы еще одним экспонатом в твоей коллекции совпадений!

Сумка воняет мочой, теперь так же пахнут и мои руки. Я чувствую, насколько смешно выгляжу. Разжимаю пальцы, сумка возвращается в грязь. А я озираюсь, желая объять взглядом тысячи подробностей, мельтешащих передо мной: бродячих торговцев, туристов и их детишек, небеса, реку, порт, город, уходящий в бесконечность, краски, запахи и звуки. Фло права: мои воспоминания вылились в подлинное наваждение.

– Давай вернемся в отель, Нати. Примем душ, отоспимся. А завтра утром сядем в такси и забудем все это!

\* \* \*

И вот я в такси. Но совсем не отоспалась. И ничего не забыла. Всю ночь я мысленно перебирала слова, произнесенные Жан-Максом, Фло, Шарлоттой, Эмманюэль и Жорж-Подем, невнятное бормотание пассажира-малайца в самолете. Вспоминала сиреневую сумку – и жалела, что оставила ее возле бельведера Коньяронк. Даже хотела с утра поехать за ней. Думать я могла только об этой сумке и почти убедила себя, что она абсолютно идентична потерянной. Я еще раз просчитала вероятность того, что три члена одного экипажа могли вдруг сойтись на одном рейсе, не говоря уж о присутствии группы «Кью», и теперь снова и снова взвешивала четыре объяснения Фло, не переставая поглаживать мой камень времени.

В конечном счете я отмела гипотезу случайности.

Остались три другие.

*Я безумна.*

*Меня заколдовали.*

*Мною кто-то манипулирует.*

Такси мчится по бульвару Лафайет в сторону аэропорта Трюдо, который пятнадцать лет назад заменил Мирабель. Семь часов утра, трафик еще сносный. Вскоре мы пересекаем реку Святого Лаврентия по мосту Жака Картье, и мой взгляд устремляется вдаль, к острову Святой Елены, с его Биосферой, аквапарком, тобогганами и прочими водными аттракционами Ронды. Фло сидит рядом со мной, тоже в костюме стюардессы, и дремлет с наушниками на голове.

*Я безумна.*

*Меня заколдовали.*

*Мной кто-то манипулирует.*

Так кто же, кто? Все подряд? Неужели весь наш экипаж участвует в заговоре – Жан-Макс, Эмманюэль, Шарлотта, Жорж-Поль, Фло? Даже если так, это все равно ничего не объясняет. Откуда им известны все, даже самые мелкие подробности нашего свидания, каждая минута той потайной ночи?

Выходит, если кто-то мною и манипулирует, это может быть только Илиан!

Мост Жака Картье. Движение становится интенсивнее. Такси замедляет ход. Внезапно я наклоняюсь вперед, хватаю шофера за плечо и кричу:

– Остановитесь!

Водитель резко жмет на тормоза. Фло вскидывается, ошалело смотрит на меня, не понимая, в чем дело. «Ты что, совсем сбрендил?» – читаю я в ее глазах. Это первое, что приходит в голову, так почему бы не опровергнуть, раз и навсегда, вторую гипотезу? О колдовстве...

Такси кое-как тормозит на аварийной полосе. Я распахиваю дверцу, и на меня тут же налетает бешеный ветер, забирается под юбку, вздымает полы жакета. Я размахиваю руками, словно выгребаю против течения, бегу к балюстраде. Под мостом, пятьюдесятью метрами ниже, лениво течет Святой Лаврентий.

Фло не успела меня задержать, она пугается, решив, что я собираюсь броситься в реку, и отчаянно вопит: «Нееееет!» Машины на мосту сбрасывают скорость, сигналият, водители удивленно таращатся на женщину в форме стюардессы, склонившуюся над пустотой. А я больше никого и ничего не слушаю. Открываю сумку и не глядя роюсь в ней. Наконец пальцы нащупывают камень времени. На миг сжимаю его в кулаке, потом набираю побольше воздуха в грудь и, размахнувшись, забрасываю в воду, как можно дальше. Внизу медленно и невозмутимо ползет баржа с контейнерами. Речные трамвайчики дремлют у подножия белой башни на Часовой

набережной. Еще секунду я смотрю, как расходятся круги от эфемерного колодца, в котором исчез мой камень, а потом спокойно возвращаюсь в такси.

Фло улыбается – она поняла.

Теперь осталось всего два объяснения.

Это история двух влюбленных.

И один из них сошел с ума.

Илиан? Или я?

\* \* \*

Я жду. Таково ремесло стюардессы – умение ждать. Три четверти нашего рабочего времени занимает ожидание. С улыбкой на губах.

Предполетный инструктаж начнется через двадцать минут. Самолет взлетит через час. Сидя в зале ожидания для персонала, я в три клика нахожу в интернете то, что хотела. На другом конце зала Фло кокетничает с *sexu*-стюардами *American Airlines*.

– Хочу позвонить своим, – говорю я Эмманюэль.

Наша «старшая» сосредоточенно изучает список пассажиров, словно решила заучить его наизусть. Пытаясь скрыть смятение от коллег, я ищу укромный уголок и нахожу его в каморке, где стоят тележки уборщиц. Прислоняюсь к стене, но мне чудится, что я соскальзываю куда-то вниз. Делаю над собой усилие, заставляя ноги не подгибаться, а руки – не дрожать. Единственное нажатие – и на экране телефона высвечивается номер, который возвращает меня в прошлое, хотя мне следовало бы навсегда вычеркнуть его из своей жизни.

@-TAC Prod

Лос-Анджелес

Секретарша отвечает по-английски, но я быстро перебиваю ее и не даю времени опомниться:

– Я хотела бы поговорить с Улиссом Лавалье. Это Натали, его старая знакомая. Назовите ему мое имя, я уверена, что он захочет меня выслушать.

Девица не спорит. Хотя я предпочла бы отсрочку, чтобы успеть набрать воздуха в легкие и унять бешеное сердцебиение. Голос Улисса настигает меня еще до того, как я перевела дух:

– Натали? Натали, что случилось?

– Я в Монреале и скоро вылетаю в Париж. Поэтому очень спешу, Улисс.

В трубке звучит смеющийся голос продюсера:

– Ты в Монреале и вспомнила обо мне? Очень мило с твоей стороны, моя дорогая! Правда, сам я уже три года не бывал в этом славном городе. Стоит развежиться на горячем калифорнийском солнышке, и...

Я замечаю, что Улисс потерял квебекский акцент, остались отдельные нотки, едва различимые в букете других тональностей – бельгийских, парижских, американских. Офранцузенные...

– У меня мало времени, Улисс. Я... мне нужно поговорить с Илианом.

С этими словами я бессильно сползаю по стенке. Улисс молчит. Долго. Черт подери, ну пусть он ответит, пусть ответит, иначе я рухну!

– Мне кажется, это не очень удачная мысль.

Тем хуже. Я оседаю на пол, словно раздавленный паук. И сижу, скрючившись, уткнувшись подбородком в колени и прижав к губам телефон, как ребенок любимую игрушку.

– Дай мне его номер, Улисс! Больше мне ничего от тебя не нужно.

Продюсер отвечает медленно, подчеркивая каждое слово, – так нотариусы зачитывают акт о продаже:

– Тебе же известен ваш договор, Натали. Ты его тоже подписала. Никаких контактов. Никаких новостей. Никогда.

– Это было двадцать лет назад!..

– Договор был пожизненным. Илиану потребовалось очень много времени, чтобы прийти в себя. Ты заставила его жестоко страдать.

– Я и сама настрадалась не меньше...

– Можешь мне поверить, твои страдания ничто по сравнению с его муками.

В мой закуток входят два парня с мешками для мусора и девушка с подметальной тележкой. Все трое смотрят на меня, как на брошенный конфетный фантик. Жду, когда они отойдут. Мне не дает покоя один вопрос:

– Ты виделся с тех пор с Илианом? Как он живет? Скажи хотя бы, что с ним стало?

– У него все хорошо, не волнуйся, теперь он в порядке. Живет-поживает. Если уж хочешь знать, работает продавцом в отделе музыкальных дисков, во «Фнаке»<sup>48</sup>. Это самая для него подходящая работа.

– В каком именно магазине?

Продюсер позволяет себе легкий смешок:

– Нет, Натали, нет. Я и так сказал слишком много.

– Ты с ним видишься? Хотя бы изредка?

– Болтаем по телефону. Переписываемся. А когда я бываю в Париже, встречаемся.

– Где именно – в Париже?

К Улиссу на миг возвращается былая манера речи:

– Кончай, Натали! Оставь Илиана в покое! Забудь его, как он тебя забыл. И не смей больше к нему приставать!

– Но мне необходимо с ним поговорить! Это очень важно! Просто дай мне его номер, а он сам решит, общаться со мной или нет.

– Зачем, Натали? Зачем тебе это?

– Долго объяснять. Я и сама ничего не понимаю.

Слышу в трубке тяжкий вздох Улисса:

– Ох, и зачем только я тебя впустил тогда в «Метрополис»! Нарушил правило номер один: никаких баб за сценой!

Кажется, мне удалось его смягчить. Я не забыла характер Улисса: ворчит – значит, скоро уступит.

– Обещаю, позже мы обязательно обсудим и твои сожаления. Ты же сам сказал, что Илиан в порядке. И неудивительно, столько лет прошло. Дай мне его телефон – только телефон, не адрес. Илиан сам решит, ответить мне или нет.

И тут понимаю, какой удачный аргумент нашла. Спасительный выход. Улисс может с чистой совестью избавиться от меня, и пускай выбирает Илиан...

– Вот ведь мучение! Ладно... У тебя есть чем записать?

– Спасибо тебе.

– Только не делай ему больно, Натали, не причиняй ему горя, умоляю тебя!

– А он? Ты никогда не задумывался, сколько горя он мне причинил?

\* \* \*

Улисс кладет трубку. Он уже жалеет о содеянном. Ему кажется, что его ловко провели.

---

<sup>48</sup> «Фнак» – международная сеть крупных магазинов, торгующих книгами, альбомами по искусству, дисками и электроникой.

*Дай мне его телефон – только телефон, не адрес. Илиан сам решит, ответить мне или нет.*

Только теперь до Улисса доходит, что Илиан не знает номера телефона Натали. И когда она позвонит, он, конечно же, ответит. И тогда ему останется либо поговорить с ней, либо оборвать звонок на полуслове... Улисс смотрит на свой мобильник, решая, стоит ли перезвонить Натали. Он попался на ее уловку как последний дурак! А ведь Илиан взял с него слово не уступать этой женщине, не поддаваться на ее мольбы. Он ничего не хочет знать о ней. Подумав еще немного, Улисс говорит себе: «Илиан имеет право выбирать, ответить ей или нет».

И тут его осеняет. «Окей, Натали, ты хотела поставить его перед выбором? Прекрасно, я сделаю так, что Илиан сможет выбрать!»

Он выясняет у секретарши номер последнего звонившего и торопливо набирает текст.

*Только что мне звонила Натали. Да-да, твоя прекрасная ласточка, после 20 лет молчания. Она умоляла меня дать ей твой номер телефона. Прости, я не смог отказать. Ты же меня знаешь, я и тогда не сумел.*

*Она хочет с тобой поговорить. Сказала, что это тебе решать, захочешь ты нарушить ваш договор или нет. В общем-то, тут она права.*

*Отправляю тебе ее номер. Я восстановил справедливость – теперь у вас равные шансы. Если она позвонит, будешь знать, кто это.*

\* \* \*

Я отключаюсь и с трудом встаю – ноги затекли так, что не держат. Яростно растираю их. Через пять минут начинается инструктаж, а Сестра Эмманюэль терпеть не может опозданий. Зато потом у меня будет больше получаса свободного времени.

Вполне достаточно, чтобы нарушить наш договор.

Вполне достаточно, чтобы набрать номер из десяти цифр.

Вполне достаточно, чтобы застать врасплох Илиана по другую сторону Атлантики, где-то в Париже.

Мысль о том, что через несколько минут я смогу поговорить с Илианом после стольких лет молчания, кажется мне совершенно нереальной. И все же другого выхода нет. Только он один может мне помочь. Направляюсь в зал инструктажа, раскрывая на ходу сумку. Достая свой мобильник, чтобы выключить звук, и кладу его обратно.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.